

Естественные причины

Автор:

Джеймс Освальд

Естественные причины

Джеймс Освальд

Звезды детектива (АСТ) Инспектор Тони Маклин #1

При разрушении старого дома строители находят в подвале мумифицированное тело молодой девушки, пролежавшее там около шестидесяти лет. Судя по расположению останков, она была зарезана в ходе какого-то оккультного ритуала. Тони Маклин, детектив-инспектор полиции Эдинбурга, понимает, что дело такой давности раскрыть практически невозможно, но все же никак не может о нем забыть. Тем временем в городе происходит серия кровавых убийств. Расследование быстро заходит в тупик, так как явных улик нет, мотивов тоже, а жертвы никак не связаны друг с другом, хотя у каждой была изъята часть того или иного внутреннего органа. Маклин убежден, что все эти события каким-то образом переплетены. У него есть лишь догадки, косвенные доказательства своей теории, но она приведет его к столкновению со страшной и очень древней тайной.

Содержит нецензурную брань!

Джеймс Освальд

Естественные причины

James Oswald

Natural Causes

Natural Causes

Copyright © 2012 by James Oswald

All rights reserved

© Галина Соловьева, перевод, 2022

Школа перевода В. БАКАНОВА

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Моим родителям, Дэвиду и Джулиет.

Жаль, что вам не довелось прочесть эту книгу

* * *

Джеймс Освальд – главная звезда нового поколения шотландских авторов, работающих в жанре детектива.

Daily Mail

Роман в лучших традициях Иэна Рэнкина и Вэл Макдермид: это мрачный, жесткий и нуарный детектив.

Уверенно сделанный, детально выписанный полицейский детектив с интересным главным героем.

The Guardia

1

Не надо было останавливаться. Не его дело, он ведь не на дежурстве. Однако голубые вспышки маячков, белый фургон автолаборатории и ленточные барьеры, расставляемые полицейскими, неумолимо притягивали инспектора Энтони Маклина.

Он вырос в этом районе – в богатой части города, где стояли роскошные дома, окруженные садами и коваными оградами. Здесь жили состоятельные, солидные люди, умеющие оберегать свою собственность. Здесь редко увидишь на улице бродягу, а о серьезных преступлениях и речи нет, однако сейчас въезд в один из внушительных особняков блокировали две патрульные машины, и полицейские деловито раскручивали бело-голубые ленты.

Маклин подошел, на ходу доставая удостоверение.

– Что случилось?

– Убийство, сэр.

Констебль закрепил кусок ленты и начал отматывать новый. Маклин оглядел подъездную гравийную дорожку. На полпути к дому стояла автолаборатория с распахнутыми дверцами, полицейские растянулись цепью и медленно двигались через лужайку, обшаривая траву в поисках улики. Инспектор решил выяснить, не нужна ли его помощь: как-никак, знакомые места. Он поднырнул под ленту и двинулся по дорожке мимо обшарпанного белого фургона автолаборатории. Неподалеку, рядом с лощеным черным «бентли», сверкающим в вечернем освещении, скромно приткнулся проржавевший старенький «мондео». Маклин

отлично знал владельца этой машины. Старший детектив-инспектор Чарльз Дагвид не числился среди любимых начальников. Если дело ведет он, значит, убитый – важная персона. Тогда понятно, почему собрали столько полиции.

– Какого черта ты здесь околачиваешься?

Маклин обернулся на знакомый голос. Дагвид был заметно старше инспектора, сильно за пятьдесят, некогда рыжие волосы поредели и поседели, на морщинистом лице горел нездоровый румянец. Белый бумажный комбинезон спущен до пояса и завязан узлом под обвисшим брюшком – похоже, старший инспектор устроил перекур.

– Я проезжал мимо, увидел патрульных...

– И решил сунуть нос, а? Что ты вообще здесь делаешь?

– Я не собираюсь лезть в ваше расследование, сэр. Просто подумал, что мог бы помочь, я ведь вырос в этом районе.

Дагвид шумно выдохнул и театрально дернул плечом.

– Ладно, раз уж ты здесь – сделай что-нибудь полезное. Иди, потолкуй со своим приятелем-патологоанатомом.

Маклин двинулся к входной двери, но Дагвид остановил его, ухватив за плечо.

– И не забудь доложить мне, как закончишь. Не вздумай улизнуть!

* * *

После мягких городских сумерек яркий свет в доме резал глаза. Маклин пересек просторную веранду и попал в холл. Внутри сустились эксперты в белых комбинезонах, – напыляли порошок в поисках отпечатков, фотографировали обстановку. Инспектор не успел сделать и двух шагов, как встрепанная молодая женщина сунула ему белый сверток. Он не узнал девушку – она была из новичков в бригаде.

– Наденьте, если собираетесь туда, сэр... – Она ткнула большим пальцем себе за плечо, на открытую дверь в противоположном конце холла. – Там ужас, что творится. Погубите костюм.

– Или внесу посторонние загрязнения... – Маклин поблагодарил женщину и натянул бумажный комбинезон и пластиковые бахилы. Он прошел по мосткам, проложенным криминалистами над полированным паркетом, услышал за дверью тихие голоса и переступил порог.

Это была типичная библиотека джентльмена. Вдоль стен, на полках красного дерева, выстроились книги в кожаных переплетах. Между двух высоких окон располагался антикварный письменный стол, совершенно пустой, если не считать бювара и мобильного телефона. Два кожаных кресла с высокими спинками стояли по сторонам камина, повернутые к пустой решетке. На ручке одного кресла лежала аккуратно свернутая одежда. Маклин пересек комнату, обошел второе кресло и, морща нос от вони, стал разглядывать сидящего в нем.

Мужчина выглядел почти спокойным: руки свободно лежали на подлокотниках, слегка расставленные ноги опирались на пол. Лицо бледное, остекленелые глаза уставились в пространство. Черная кровь протекла между сомкнутых губ и запачкала подбородок. Маклину сначала почудилось, будто на мужчине темный бархатный пиджак. Затем инспектор заметил серо-голубые блестящие петли кишок, свисающие на персидский ковер. «Гм, не бархатный, и не пиджак», – подумал инспектор. Два эксперта в белых комбинезонах присели на корточки рядом с трупом, стараясь не выпачкать колени в крови.

– Офигеть!

Маклин зажал рот и нос, отгоняя железистый привкус крови и густой запах кала. Один из криминалистов обернулся. Инспектор узнал городского патологоанатома, Ангуса Кадволладера.

– А, Тони? Решил присоединиться к компании? – Ангус встал и передал что-то ассистентке. – Подержи, пожалуйста, Трейси.

– Барнаби Смайт... – Маклин подошел ближе.

– Вы знакомы? – удивленно спросил Кадволладер.

– Да. Не слишком близко. В гостях у него я никогда не бывал. Но, боже милостивый, что с ним случилось?

– Дагвид[1 - Дагвид Бамстед - персонаж комикса «Блонди», ленивый и туповатый менеджер, любитель гигантских сэндвичей.] не ввел тебя в курс дела?

Маклин невольно вздрогнул, словно старший инспектор Дагвид стоял у него за спиной и недовольно морщился, услышав свое прозвище.

– Он мне не слишком-то обрадовался. Решил, что я намерен похитить его славу.

– А ты не намерен?

– Нет. Я просто ехал к бабушке. Увидел машины, ну и... – Маклин осекся, заметив улыбку эксперта.

– Кстати, как Эстер? Не лучше?

– Да все по-старому. Я к ней заеду попозже. Если, конечно, тут не застряну.

– Интересно, что бы она сказала, увидев этот ужас. – Кадволладер махнул рукой в окровавленной перчатке на обезображенный труп.

– Не представляю. Наверное, какую-нибудь гадость. Вы, прозекторы, все одинаковы. Так объясни, что здесь произошло, Ангус.

– Судя по всему, его не связывали и никаким другим способом не удерживали в этом положении, так что, похоже, вспороли мертвым. С другой стороны, если бы при первом надрезе сердце уже не билось, крови было бы меньше. Скорей всего, жертву усыпили. Узнаем, когда получим заключение токсикологической экспертизы. Собственно, бо?льшая часть крови отсюда. – Ангус указал на красную полосу отвисшей кожи вокруг горла убитого. – И, судя по брызгам на бедрах и на краях кресла, это проделали уже после того, как его выпотрошили, чтобы кишки не мешали убийце шарить внутри. Крупные органы все на месте, кроме куска селезенки.

– И у него что-то во рту, – вставила ассистентка и поднялась, хрустнув коленками. Кадволладер подозвал фотографа и, наклонившись, пальцами развел губы и челюсти убитого. У Маклина желчь подступила к горлу. Он с трудом сдержал рвотный позыв, наблюдая, как эксперт подносит извлеченный орган к свету.

– А, вот и она. Превосходно.

* * *

Из дома убитого Маклин вышел поздней ночью. В городе никогда не бывает совсем темно – фонари заливают чадные улицы адским оранжевым сиянием. Душная августовская жара отступила, сменившись свежестью, – приятное разнообразие после гнусной вони в помещении. Под ногами похрустывал гравий. Инспектор разглядывал небо в безнадежной попытке высмотреть там звезды – или ответ на вопрос, зачем кто-то выпотрошил старика и скормил ему собственную селезенку.

– Ну? – Услышав знакомые интонации и ощутив знакомый кислый запах табака, Маклин обернулся к старшему инспектору Дагвиду. Тот избавился от комбинезона, потерявшая ткань заношенного мешковатого костюма лоснилась даже в темноте.

– По-видимому, смерть наступила в результате массивной кровопотери, горло перерезано от уха до уха. По мнению Ангуса... доктора Кадволладера, время смерти – ранний вечер, приблизительно от четырех до семи. Потерпевший не был обездвижен – вероятно, усыпили. Узнаем точно, когда закончат с токсикологией.

– Все это мне известно, я не слепой. Кому понадобилось его резать?

– С мистером Смайтом я знаком понаслышке, сэр. Он был не слишком общителен. К нему в дом я сегодня попал впервые.

– Зато, надо полагать, мальчишкой ты лазил к нему в сад за яблоками.

Маклин проглотил напрашивавшийся ответ. Он привык к издевкам Дагвида, но не понимал, почему тот не уймется, даже когда ему пытаются помочь.

– Так что тебе о нем известно? – спросил Дагвид.

– Он владел коммерческим банком, хотя, вероятно, давно отошел от дел. Я в этих кругах не вращаюсь. Бабушка могла его знать, но она сейчас помочь не в состоянии. Она, знаете ли, перенесла инсульт.

– Значит, мне от тебя никакого проку, – равнодушно фыркнул Дагвид. – Давай проваливай. Желаю хорошо провести вечер с твоими богатенькими знакомыми.

Он отвернулся и отошел к группе кутивших неподалеку полицейских. Маклин вздохнул с облегчением, но тут же припомнил приказ – не сматываться потихоньку.

– Вам нужен мой рапорт, сэр? – крикнул он в спину Дагвиду.

– Ни хрена не нужен! – Дагвид резко повернулся. Его глаза блеснули, отразив свет фонаря. – Это мое расследование, Маклин. Вали с моего места преступления.

2

В больнице «Западная» витали специфические ароматы недуга; запах дезинфицирующих средств, перегретого воздуха и физиологических выделений за десять минут пропитывал одежду насквозь. Дежурные медсестры узнали посетителя, улыбнулись и молча кивнули. Одну из них звали Барбара, а другую Хизер, но черт его возьми, если он помнил, которую как. Он слишком мало видел их порознь, а всматриваться в маленькие бейджики было неловко.

Маклин тихо, насколько позволял скрипучий линолеум, прошел по равнодушному коридору. Мимо шаркали мужчины в дешевых больничных халатах, цепляясь артритными пальцами за передвижные штативы капельниц; деловитые медсестры металась от одного пациента к другому; бледные, замученные до полуобморока интерны заглядывали в палаты. Все это давно перестало поражать инспектора – он слишком часто бывал здесь.

Нужная ему палата располагалась в тихом конце больничного коридора, подальше от шорохов и суеты. Приятная комната с окнами на залив Ферт-оф-Форт. Маклину это представлялось несколько абсурдным. В эту палату поместить бы людей, поправляющихся после серьезных операций. А в нее клали пациентов, которым совершенно не было дела до тишины за окном. Маклин подпер дверь огнетушителем, чтобы впустить в комнату деловитый гул больницы, и вступил в полутьму.

Эстер полулежала на горке подушек, прикрыв глаза, будто спала. Провода от ее головы тянулись к мониторам, медленно и ритмично гудевшим у самой кровати. Трубка с прозрачной жидкостью шла к морщинистой, покрытой нездоровыми пятнами руке, а на сухоньком пальце был закреплен зажим счетчика пульса.

Маклин подтянул стул, сел, взяв бабушку за свободную руку, и уставился в некогда гордое и живое лицо.

– Я виделся с Ангусом. Он о тебе спрашивал.

Он говорил негромко, не веря, что она его слышит. Рука была прохладной, комнатной температуры. Бабушка не двигалась, только грудь механически вздымалась и опадала.

– Сколько ты уже здесь? Полтора года?

С прошлого его визита щеки у нее запали сильнее, и кто-то неудачно подстриг ей волосы, так что голова стала походить на череп.

– Я все думал, что ты со временем очнешься, и все будет по-прежнему. А теперь не уверен. Зачем тебе просыпаться?

Она не отвечала. Он уже полтора года не слышал ее голоса – с тех самых пор, как она позвонила ему вечером и сказала, что плохо себя чувствует. Он помнил фельдшеров «скорой помощи», помнил, как запирали опустевший дом. Но не помнил, каким было ее лицо, когда он нашел ее без сознания в кресле у камина. Эти месяцы истощили ее, осталась лишь тень женщины, растившей его с четырех лет.

– Что за безобразие здесь устроили?

Маклин обернулся на шум: медсестра пыталась отодвинуть огнетушитель, придерживающий дверь.

– А, это вы! – воскликнула женщина, заметив посетителя. – Извините, я вас не увидела.

Мягкий акцент Западных островов, копна рыжих волос над бледным лицом, больничная униформа. Маклин попытался вспомнить, как зовут медсестру. Он знал имена всего больничного персонала – либо по работе, либо по визитам на этот тихий пост. Но имя этой женщины инспектор припомнить не мог.

– Ничего страшного, – сказал он, вставая. – Я уже ухожу.

Он снова склонился над бесчувственным телом, выпустив холодную руку.

– Я скоро снова тебя навещу, бабушка. Честное слово.

– Знаете, вы единственный, кто регулярно сюда приходит, – заметила медсестра. Маклин оглядел палату с неподвижными, безмолвными пациентами. В них было что-то жуткое. Очередь в морг, терпеливо ожидающая, пока у смерти дойдут до них руки.

– У них нет родных? – спросил он, кивнув на соседние кровати.

– Есть, конечно. Только не навещают. Да, поначалу приходят. Иногда – каждый день. В первую неделю или две. Даже месяц. Со временем перерывы делаются все длиннее. Вот мистера Смита никто не навещал с мая. А вы здесь бываете каждую неделю.

– У нее больше никого нет.

– Ну, все-таки не каждый бы так поступал.

Маклин не нашелся что ответить. Да, он приходил, когда мог, но никогда не задерживался надолго. В отличие от бабушки, которая проведет остаток дней в

этом тихом аду.

– Мне пора. – Он сделал движение к двери. – Простите. – Он поднял огнетушитель и повесил на место, на крюк в стене. – Спасибо вам.

– За что?

– Что заботитесь о ней. Думаю, вы бы ей понравились.

* * *

Такси высадило его у начала подъездной дорожки. Маклин постоял немного в вечерней прохладе, глядя, как растворяется пар из выхлопной трубы. Одинокaя кошка уверенно переходила шоссе ярдов за двадцать впереди и вдруг остановилась – почувствовала, что за ней наблюдают. Завертела гладкой головкой, высмотрела Маклина, оценила угрозу или ее отсутствие и уселась посреди дороги вылизывать лапу.

Маклин прислонился к ближайшему дереву, дерзко взломавшему плиты мостовой, и рассматривал кошку. Улица, всегда тихая, в этот час была почти беззвучной, только чуть слышный гул далекого города напоминал, что жизнь продолжается. Вдали взвизгнул какой-то зверек. Кошка замерла, не долизав лапу, и оглянулась на человека: не он ли издал этот звук? Затем она затрусила прочь и легким прыжком махнула через стену какого-то сада.

Маклин, отвернувшись, уперся взглядом в обветшалое величие бабушкиного дома. Темные окна пусты, как исхудалое, беспмятное лицо старухи. Глазa-ставни закрыты от вечного света городской ночи.

В больницу инспектор ходил по доброй воле, а сюда его гнал тягостный долг. Дома, где он вырос, больше не было, жизнь вытекла из него, как вытекала из бабушки, оставляя лишь каменные кости и прогорклые воспоминания. Маклин подумал, что хорошо бы кошка вернулась и составила ему компанию. Впрочем, он просто тянул время, а пришел сюда по делу, так нечего откладывать.

За неделю в прихожей скопилась гора почтовой рекламы. Маклин сгреб конверты и отнес в библиотеку. Почти вся мебель здесь стояла под белыми

чехлами, отчего дом казался еще более неживым, но письменный стол бабушки остался открытым. Маклин проверил автоответчик телефона, предложения телефонной торговли стер, не потрудившись прослушать. Надо бы, пожалуй, отключить запись, но как знать, вдруг объявится кто-то из старых друзей семьи. Рекламные проспекты отправились в мусорную корзину – он отметил, что скоро придется ее опустошить. Среди них попались два счета – их надо было передать адвокатам, которые вели бабушкины дела. Теперь – обойти дом и можно возвращаться к себе. Возможно, даже поспать.

Маклин никогда всерьез не боялся темноты. Быть может, потому, что в четыре года чудовища пришли среди бела дня и отобрали у него родителей. Худшее уже случилось, и он это пережил. После этого темнота его не пугала. И все же Маклин поймал себя на том, что включает свет, чтобы не проходить темными комнатами. Дом был велик – куда больше, чем нужно одинокой старухе. Почти все соседние особняки перестроили в двухквартирные дома, но этот еще держался за внушительной садовой оградой. Бог весть, сколько он стоил: еще одна забота, которой придется заняться со временем. Если только бабушка не завещала все кошачьему приюту. Маклина бы это не слишком удивило – вполне в ее стиле.

Он замер, задержав руку на кнопке выключателя, и впервые задумался о том, что будет после бабушкиной смерти. Конечно, в глубине сознания всегда присутствовала мысль о том, что Эстер умрет, но месяцами, бывая в больнице, он ждал, что в ее состоянии наступит хоть какое-то улучшение. А сегодня, похоже, смирился с тем, что этого не случится. Чувство было грустным и почему-то принесло облегчение.

И тут он осознал, где находится.

Бабушкина спальня была не самой большой из комнат в доме, но гораздо просторнее всей ньюингтонской квартирки Маклина. Он прошел в комнату, провел рукой по простыне, на которой бабушка спала в ночь накануне удара. Открыл гардероб, осмотрел одежду, которой она уже не наденет, перешел к туалетному столику, перед которым лежал небрежно брошенный халат из японского шелка. В щетинках щетки застряли волосы – длинные белые нити, сверкавшие в резком желтом свете, отраженном старинным зеркалом. На серебряном подносыке расставлены флаконы духов, рядом красуются фотографии в нарядных рамках. Это было самое личное место его бабушки. Он бывал здесь и прежде – мальчиком, когда его просили принести что-нибудь, или

когда он проходил через спальню в ванную за куском мыла. Маклин никогда прежде не приглядывался к обстановке и теперь завороченно озирался, чувствуя себя неловко.

Туалетный столик был главным в комнате – куда главнее кровати. Здесь бабушка готовилась к встречам с внешним миром. На одном из снимков был запечатлен сам Тони Маклин, в новехонькой, с иголки, полицейской форме. Инспектор помнил, когда сделана фотография, – в день выпуска из полицейского колледжа в Туллиалане. Констеблю Маклину, несмотря на связи и прекрасную перспективу карьерного роста, все-таки пришлось потоптаться мостовые, как любому копу.

Второе фото изображало его родителей в день венчания. Сравнивая два снимка, становилось ясно, что Маклин пошел в отца. Они были сняты в одном возрасте и, если бы не разница в качестве пленки, походили бы на братьев. Инспектор задумчиво посмотрел на фотографию. Он едва знал этих людей и уже почти не думал о них.

В комнате было полно других снимков: одни на стенах, другие, в рамках, на крышке широкого низкого комода, в котором наверняка хранилось белье. Здесь были фотографии его деда – сурового старого джентльмена, чей портрет висел над камином в столовой – вечно во главе стола. Снимки размечали дедову жизнь с юных лет и до старости серией черно-белых кадров. Еще здесь были фото отца – и матери, с тех пор как та появилась в его жизни. И пара фотографий бабушки – поразительно красивой молодой женщины, одетой по моде тридцатых годов. На крайнем из этих снимков бабушка стояла между двумя улыбающимися мужчинами в костюмах тех же лет, у знакомых колонн Акрополя на Калтон-Хилл. Маклин долго всматривался в фотографию и не сразу сообразил, что в ней его смутило. Слева стоял дед, Уильям Маклин – тот самый, что на множестве других снимков. Мужчина, стоявший справа, обнимал бабушку за талию и улыбался так, словно весь мир лежал у его ног... И был как две капли воды похож и на новобрачного со старого фото, и на свежее испеченного констебля.

Маклин пытался поудобнее устроиться на неудобном диване: комья в сиденье были твердыми, как кирпичи. Бросив это безнадежное занятие, он оглядел комнату. Боб Лэрд, сержант следственного отдела (для друзей – Ворчун Боб) записывал показания растянутым петлистым почерком.

Комната, хоть и с комковатым диваном, была хорошо обставлена. Одну стену занимал неоклассический камин в стиле Адама, остальные скрывались под живописными полотнами. Еще два диванчика образовали уютный уголок рядом с камином, в котором, по знойной летней жаре, красовался букет сухих цветов. Повсюду красное дерево и запах полироля, соревнующийся с легким кошачьим запахом. Все старое, но дорогое, даже мужчина, сидящий напротив.

– Отсюда ничего не взяли.

Эрик Дуглас нервно поправил на длинном носу очки в черной оправе.

– Прошли прямо к сейфу. Как будто знали, где он.

– Может быть, вы нам покажете, сэр?

Маклин поспешно встал. Осмотр сейфа мог оказаться полезным, но главное сейчас – возможность размять ноги. Дуглас провел их через весь дом в небольшой кабинет, по которому словно вихрь прошелся. Широкий антикварный стол завален книгами, сброшенными с дубовых полок, за которыми скрывалась дверца сейфа. Сейчас она была приоткрыта.

– Вот, так я все и застал. – Дуглас замер в дверях, словно надеялся, что если не входить в комнату, она сама собой примет прежний вид. Маклин, протиснувшись мимо, осторожно подобрался к письменному столу. Сероватый порошок на полках и на раме единственного большого окна говорил, что криминалисты уже сняли здесь отпечатки пальцев и ушли. Они работали в других помещениях, проверяли дверные косяки и подоконники. Инспектор достал из кармана резиновые перчатки и натянул их, прежде чем взять в руки документы, лежащие на полу у сейфа.

– Драгоценности изъяли, а сертификаты акций оставили. Впрочем, их брать смысла не имеет – в наше время все хранится в электронном виде.

– Как преступники вошли? – Маклин отложил бумаги и повернулся к окну. Раму, покрытую толстым слоем краски, судя по всему, не открывали лет десять.

– Когда я вернулся с похорон, все двери были заперты. И сигнализация включена. Не представляю, как можно было войти.

– С похорон?

– Мать скончалась на прошлой неделе, – мрачно пояснил хозяин дома.

Маклин в душе укорил себя за невнимательность. Эрик Дуглас был в темном костюме с белой рубашкой и черным галстуком. В доме ощущалась пустота, какая бывает там, где кто-то недавно умер. Следовало выяснить, что у человека горе, прежде чем атаковать его вопросами. Инспектор перебрал в уме сказанное, проверяя, не допустил ли какой-нибудь бестактности.

– Примите мои соболезнования, мистер Дуглас. Скажите, о похоронах широко оповещалось?

– Не совсем понимаю вас. В газетах сообщали о времени, месте и прочем...

– Злоумышленники воспользовались вашим несчастьем, сэр. Вероятно, они просматривают газеты. Вы не могли бы показать сигнализацию?

Дуглас открыл дверь, скрывавшуюся под лестничным пролетом. За ней каменные ступени вели в подвал. За дверью мигала зелеными огоньками белая панель. Маклин рассмотрел ее и отметил в уме название обслуживающей компании: «Пенстеммин» – солидная фирма, и охранный система достаточно сложная.

– Вы умеете ее подключать?

– Я не дурак, инспектор. В доме много ценностей. Некоторые картины оцениваются в шестизначные суммы, а для меня они просто бесценны. Я лично включил систему сигнализации перед отъездом в крематорий Мортонхолл.

– Прошу прощения, я должен был удостовериться, – извинился Маклин и сунул блокнот в карман.

По лестнице спустилась криминалистка. Инспектор перехватил ее взгляд, но она только помотала головой и вышла из особняка.

– Мы не станем больше отнимать у вас время. Если можно, хорошо бы получить подробное описание похищенных ценностей.

– У страховой компании должен быть полный список – я пришлю вам копию.

* * *

На улице Маклин догнал криминалистку: она содрала с себя комбинезон и забрасывала оборудование в фургон автолаборатории. Та самая новенькая, которую он видел в доме убитого Смайта. Белокожая, с копной черных волос – запоминающаяся внешность. Глаза то ли обведены темным гримом, то ли девушка здорово погуляла накануне.

– Нашли что-нибудь?

– В кабинете – ничего. Чист, как душа монахини. По дому полно отпечатков, но тоже ничего необычного. Вероятно, в основном хозяйские. Надо бы взять для сравнения.

Маклин чертыхнулся.

– Хозяйку сегодня кремировали.

– Ну, тут уж ничего не поделаешь. Признаки насильственного проникновения отсутствуют, отпечатки и иные следы в комнате с сейфом отсутствуют.

– Добудьте, что сумеете, ладно? – попросил Маклин и проводил взглядом отъехавший фургон. Затем повернулся к служебной машине: Ворчун Боб взял ее сегодня из полицейского гаража. Это дело было первым серьезным расследованием, которое Маклину предстояло провести в чине инспектора.

Подобное ограбление будет чертовски трудно раскрыть, разве что очень повезет. Нет бы ему достались очередные наркоманы, утащившие заначку, чтобы купить дозу! Но, разумеется, такие пустяки достаются сержантам. Похоже, Эрик Дуглас воспользовался своими связями, чтобы получить на такое мелкое дело инспектора, хотя бы и свежее испеченного.

– Что у вас дальше, сэр? – Ворчун Боб оглянулся на Маклина с водительского места.

– Возвращаюсь в участок. Для начала надо разобраться в записях. Проверить, не было ли чего-нибудь похожего среди нераскрытых дел.

Инспектор откинулся на спинку сиденья, глядя, как мелькают за окном шумные городские улицы. Через пять минут у Ворчуна Боба включилась рация. Маклин взялся ответить, повозился с незнакомыми кнопками.

– Инспектор, я звонил на мобильный, но он похоже, выключен, – произнес Пит, дежурный сержант. Маклин вытащил из кармана мобильник и попытался включить его. Заряженный с утра телефон сейчас был мертв как старая миссис Дуглас.

– Извини, Пит. Батарейка сдохла. Так зачем я тебе понадобился?

– Для вас есть дело – если вы не слишком заняты. Суперинтендант говорит, что оно по вашей части.

Маклин застонал, гадая, какую еще мороку на него свалят.

– Давай, Пит. Подробности.

– В особняке Фарквар-хаус, сэр. Это в Сайтхилле. Позвонил строитель, сообщил, что обнаружен труп.

Маклин посмотрел в окно машины на промышленные здания, пункты розничного сбыта, магазинчики и замызганные склады, перевел взгляд на башни, высившиеся вдалеке в бурой городской дымке. Такие районы, как Сайтхилл, не рекламируют в туристских брошюрах. Пригород с муниципальными домами разросся вдоль обходной дороги, параллельной Килманрок-роуд, под угрюмой громадой Стивенсон-колледжа.

– Что-нибудь еще известно, сэр? Вы сказали – найден труп.

Маклин все не мог привыкнуть, что Ворчун Боб называет его «сэр». Сержант был пятнадцатью годами старше, но с той минуты, как Маклина повысили до инспектора, Ворчун Боб престал звать его Тони и переключился на «сэра». По правилам, так и следовало, однако звучало странно.

– Я сам не знаю подробностей. На стройке обнаружили тело. Похоже, высокое начальство сочло, что это дело как раз для меня. Не уверен, что это комплимент.

Ворчун Боб помолчал, виляя по маленьким улочкам между однообразными серыми новостройками. Дома, не принадлежащие муниципалитету, отличались свежевыкрашенными входными дверями или современными светильниками у входа. Наконец машина свернула в узкий проезд между крошечными скверами. Зелень загораживали стены, украшенные вмурованной в цемент галькой. Проезд замыкали ворота, неуместные среди муниципальной серости, – когда-то величественные, а теперь заросшие вьюнком, с обвисшими коваными чугунными створками на потрескавшихся каменных столбах. Табличка на левом столбе гласила: «Еще одна престижная застройка трудами фирмы „Макаллистер“».

За воротами стоял особняк в шотландском баронском стиле – четырехэтажный, с узкими высокими окнами и круглой башенкой на углу. Одну стену подпирали леса, а территорию большого сада заплотнили строительные вагончики, бетономешалки, лебедки и прочие приметы стройки. У входной двери стояли две полицейские машины, за ними присматривала одинокая патрульная. Маклин предъявил удостоверение. Женщина устало улыбнулась и провела полицейских в темную парадную. Здесь было прохладно после уличной жары, так что у Маклина руки пошли гусиной кожей и по спине пробежал озноб.

– Да, здесь жутковато, – заметила патрульная.

– Кто нашел тело?

– Что? А... – Констебль достала свой блокнот. – Звонил сам Макаллистер. Прораб участка, Дональд Мурдо из Боннирига, вчера задержался допоздна, завершая строительные работы в подвале. Перепугался страшно... ну, вы понимаете.

– Вчера вечером? – Маклин так резко остановился, что Ворчун Боб чуть не ткнулся ему в спину. – Когда это случилось?

– Около шести.

– И тело еще здесь?

– Да, там уже заканчивают. Вчера было много вызовов, а это дело не сочли срочным.

– Почему дело не отнесли к срочным вызовам?

Патрульная наградила инспектора осуждающим взглядом.

– Полицейский врач установил смерть вчера вечером, в четверть восьмого. Мы отгородили место происшествия и охраняем его с тех самых пор. Не моя вина, что половина экспертов вчера была в загуле, да и вы, если честно, могли бы приехать пораньше. Не самое приятное место, чтобы проводить здесь ночь.

Тяжело ступая, констебль стала спускаться в подвал.

Маклин, опешивший от выговора, промолчал и пошел следом.

Внизу кипела бурная деятельность. Толстые провода мощных светильников змеились на пыльном полу, открытые алюминиевые ящики выплескивали содержимое под ноги вошедших, посреди главного коридора тянулась узкая полоска мостков, но никто ею не пользовался. Полдюжины экспертов деловито расчищали место. Только один заметил их появление.

– Тони? Как ты умудрился, едва получив повышение, взбесить Джейн Макинтайр?

Маклин пробрался в дальний конец подвала. Ангус Кадволладер стоял у пробитого в стене широкого отверстия, освещенного мощной дуговой лампой. Он, похоже, немного нервничал, что было несвойственно грубоватому и беспечному патологоанатому.

– Взбесить? – Маклин наклонился, чтобы заглянуть в дыру. – Что ты мне на этот раз приготовил, Ангус?

Сквозь отверстие виднелась большая круглая комната с белыми гладкими стенами. Четыре лампы, установленные вокруг центра, светили внутрь и вниз, словно юпитеры, нацеленные на звезду сцены. Только эта изрезанная и истерзанная женщина вряд ли сорвет аплодисменты.

– Зрелище не из приятных. – Кадволладер вручил Маклину пару латексных перчаток. – Посмотрим поближе.

Они протиснулись в узкий проем, прорубленный в кирпичной кладке, и Маклин сразу ощутил холод. Шум остался позади, словно команда экспертов скрылась за закрытой дверью. Инспектор вздрогнул и оглянулся – ему вдруг захотелось уйти из потайной комнаты. Что-то словно давило на его мысли. Не без труда отогнав странное ощущение, Маклин повернулся к телу.

Женщина была молода. Он сам не знал, как определил возраст, но что-то в этом маленьком теле говорило о жизни, оборванной на самом рассвете. Руки раскинуты в пародии на распятие, почерневшие железные гвозди забиты в ладони, шляпки загнуты, чтоб не дать ей их вырвать. От времени ее кожа высохла, пальцы превратились в скрюченные когти. Лицо искажала гримаса агонии. На женщине было простое платье в цветочек, задранное до груди. Маклин мельком подумал, какое оно старомодное, но тут же забыл об этом, обратившись к другим деталям.

По животу шел аккуратный разрез от паха до грудины, кожа и мышцы развернуты гниющим цветком. Сквозь темно-серую иссохшую плоть белели ребра, но от внутренних органов ничего не осталось. Ноги широко разведены и вывернуты так, что колени касаются пола. Кожа туго натянулась на высохших мускулах, видна каждая косточка узких ступней, прибитых к полу, как и ладони.

– Господи! Кто мог такое сотворить? – Маклин качнулся на пятках, глянул на гладкие стены, потом уставился в яркое сияние ламп, словно надеясь выжечь увиденное из памяти.

– Более актуальный вопрос – когда это сотворили. – Кадволладер присел на корточки рядом с телом, достал дорогую авторучку и стал ее кончиком указывать части тела убитой. – Как видишь, разложение каким-то образом предотвратили, что привело к естественной мумификации. Внутренние органы удалили. Надо будет провести несколько анализов в морге, но я полагаю, что со времени убийства прошло не меньше пятнадцати лет.

Маклин слушал, чуть вздрагивая от холода. Хотелось отвести взгляд, но его словно притягивало к телу. Инспектор почти чувствовал муку и ужас жертвы. Она была жива – во всяком случае, в начале пытки. В этом он был уверен.

– Пришли-ка лучше бригаду, пусть унесут тело, – сказал он. – Не знаю, подскажет ли что-нибудь пол под ней, но попытаться стоит.

Кадволладер кивнул, перешагнул кирпичные обломки в проломе, и вышел. Оставшись наедине с трупом, Маклин пытался вообразить, как выглядело это место, когда она умирала. Стены в ровной побелке, над телом сходится кирпичный свод потолка, аккуратно покрытый известкой. Будь здесь часовня, алтарь располагался бы напротив дверного проема, но в этой комнате не было никаких украшений. Дуговые лампы отбрасывали странные тени на темные деревянные половицы, словно доски шли рябью. Маклин стоял и ждал, пока кто-нибудь вернется. Волны света гипнотизировали его круговыми рельефными изгибами футах в трех от стен. Тряхнув головой, чтобы избавиться от иллюзии, он шагнул из освещенного пятна и застыл. Его тень сдвинулась вместе с ним, скользнула по полу четверным силуэтом. Узор на полу остался неподвижен. Склонившись, инспектор взгляделся в доски. Они были отполированы до блеска и почти не запылились, словно комната, пока не взломали стену, была герметически закрыта. Свет из нескольких источников сбивал с толку. Маклин вытащил из кармана фонарик, включил и направил на узор на полу. Темный орнамент слабо выделялся на дереве. Сложные сплетения линий, расходящиеся причудливыми завитками. Отметки узора смыкались в правильный круг. Инспектор прошел против часовой стрелки и насчитал по окружности еще пять отметин, все на равном расстоянии друг от друга. Первую и последнюю пересекал край обрушенной кирпичной стены.

Выудив блокнот из кармана, Маклин, как умел, зарисовал знаки, зафиксировал положение убитой девушки. Метки точно соответствовали линиям рук и ног, головы и луча, разделявшего пополам угол между бедрами.

– Тело можно выносить, сэр?

Инспектор вздрогнул и обернулся. В стенной пролом заглядывал Ворчун Боб.

– Где фотограф? Верните его сюда поскорей.

Боб выкрикнул что-то неразборчивое. Через минуту в помещение пролез коротышка, незнакомый Маклину: еще один новичок в бригаде криминалистов.

– Приветствую. Вы сфотографировали тело?

– Ага. – Выговор уроженца Глазго, чуть резковатый, нетерпеливый. Оно и понятно, вряд ли парню хотелось сюда возвращаться.

– А знаки на полу отсняли? – Маклин указал на ближайший, хотя уже прочел ответ на озадаченном лице фотографа. – Вот, смотрите. – Поманив коротышку поближе, он лучом фонарика проследил узор. На миг ему что-то померещилось, но тут же потерялось.

– Ага, что-то такое вижу, – буркнул парень, пригнувшись к половицам. От него шел густой запах мыла, и Маклин сообразил, что именно этот запах он уловил, едва войдя в комнату.

– Сфотографируйте пол, пожалуйста. По кругу, вот на таком расстоянии от стены. Крупным планом.

Фотограф кивнул, нервно поглядывая на безмолвную фигуру посреди комнаты, и взялся за дело. Вспышка громко хлопала и взвизгивала после каждого снимка, разрядами молний освещая комнату. Маклин выпрямился и сосредоточился на стенах. Начиная от тела и двигайся наружу. Затянутыми в латекс ладонями инспектор коснулся холодной штукатурки, постучал по ней костяшками пальцев: звук плотный, как от камня. Инспектор двинулся по кругу, методично выстукивая стену. Когда он оказался на линии с головой убитой, стук прозвучал

гулко.

Инспектор стукнул еще раз. В смещении света и теней ему показалось, что стена чуть прогнулась. Он прижал ладонь к штукатурке и тихонько надавил. Стена под пальцами подалась, щелкнула, как треснувшая кость, и от нее, отскочив, отвалилась панель примерно в фут шириной и в полфута высотой. За панелью открылась неглубокая ниша, в которой что-то влажно блестело. Маклин опять достал фонарь и направил луч в нишу. На свернутом листке пергамента лежало тонкое серебряное кольцо, а за ним, в прозрачной склянке, словно образец в кабинете биологии, – человеческое сердце.

5

– Ничего лучшего не нашлось?

Ворчун Боб прохаживался вдоль стен чуланчика, где разместили следственный кабинет, и ворчал без умолку. Маклин молча стоял посередине. Здесь, по крайней мере, имелось окно, выходившее на задний двор здания. На белой доске напротив окна сохранились записи от предыдущего расследования: давно забытые имена, сначала обведенные кружком, потом перечеркнутые. Тот, кто их записывал, унес маркер с собой, и губку тоже. Два маленьких стола остались: один задвинут под окно, другой посреди комнаты – а вот стулья давно вынесли.

– А что, мне нравится. – Маклин пошаркал ногой по ковролину и прислонился к единственной батарее отопления. От нее шло тепло, хотя снаружи солнце пропекло улицы насквозь. Наклонившись, инспектор попытался переключить термостат на ноль, однако хлипкий пластмассовый рычажок отломился у него под рукой. – Гм, удобствами придется заняться.

Их отвлек стук в дверь. На пороге возник молодой человек. Он подпирал коленом груды коробок, пытаясь высвободить руку. Костюм на юноше был с иголочки, ботинки начищены до зеркального блеска, свежевыбритое лицо напоминало румяную луну, коротко стриженные светло-рыжие волосы отливали шелком, как подростковый пушок на щеках.

– Инспектор Маклин?

Маклин кивнул и подхватил верхнюю коробку, пока парень не рассыпал содержимое по всему полу.

– Детектив-констебль Макбрайд, – представился юноша. – Старший суперинтендант Макинтайр направила меня к вам для помощи в расследовании.

– В котором?

– М-м... она не говорила. Сказала только, что вам не помешает лишняя пара рук.

– Ну, не стойте в дверях, тепло выпускаете.

Маклин опустил коробку на пол у ближайшего стола, а Макбрайд поставил рядом вторую и стал осматриваться.

– Стульев нет, – заметил он.

– Похоже, ее величество прислала нам в помощь чрезвычайно наблюдательного констебля, – съехидничал Ворчун Боб. – От него ничто не укроется.

– Не обращайтесь внимания на сержанта Лэрда. Он просто завидует вашей молодости.

– Э-э... слушаюсь. – Макбрайд запнулся.

– Как вас зовут, детектив-констебль Макбрайд?

– М-м... Стюарт, сэр.

– Ну, Стюарт, добро пожаловать в команду. Мы оба тебе рады.

Юноша, приоткрыв рот, переводил взгляд с инспектора на сержанта и обратно.

– И не стой с таким видом, будто тебя отшлепали. Иди-ка, раздобудь нам стулья, малыш, – заявил Ворчун Боб, чуть не силой выставил констебля из кабинета, закрыл за ним дверь и только тогда расхохотался.

– Ты полегче с ним, – предупредил Маклин. – На другого помощника надежды мало. И такой хорош. По крайней мере, будет хорош. Первый год службы делает сыщика.

Маклин открыл одну коробку, вытащил толстую стопку папок и сложил их на стол: нераскрытые ограбления за последние пять лет. Инспектор вздохнул. Меньше всего хотелось рыться в старых протоколах об украденном добре, которое уже никогда не разыщут. Он взглянул на часы и вспомнил, что с утра забыл их завести. Снял браслет с руки и принялся крутить кнопчку завода.

– Который час, Боб?

– Половина третьего. Знаешь, теперь есть такие новомодные часики, у них внутри батарейки. Заводить не надо. Подумай, не обзавестись ли тебе такими?

– Это отцовские. – Маклин затянул браслет на руке и полез в карман за мобильником. Мобильник был на месте, но не работал. – Тебе не хочется прогуляться до городского морга?

Ворчун Боб покачал головой. Инспектор знал, как относится старый сержант к покойникам.

– Ну, ладно. Тогда вы с юным Макбрайдом принимайтесь за ограбления. Может, найдете закономерность, которую десять детективов из дюжины пропустили бы. А я поинтересуюсь мумифицированным трупом.

* * *

Инспектор спускался с холма, направляясь к Каугейту по густой послеполуденной жаре. Потная рубашка липла к спине, и Маклин мечтал о прохладном ветерке. Ветерок обычно делал жизнь сносной, но в последние дни в городе установился мертвый штиль. В ущелье улицы, затененном с двух сторон высокими зданиями, царил душный мертвый зной. Инспектор с облегчением открыл дверь морга и шагнул в кондиционированную прохладу. Ангус Кадволладер уже ждал его в анатомическом театре. Он смерил приятеля взглядом.

– Жарко там?

– Как в печке, – кивнул Маклин. – Ты все приготовил?

– Что? Ах, да. – Кадволладер обернулся и крикнул помощнице: – Трейси, готово?

Маленькая веселая толстушка в зеленом комбинезоне выглянула из-за захлавленной стойки на дальнем конце комнаты, отодвинула стул и встала, натягивая латексные перчатки. Под белой простыней на прозекторском столе просматривались очертания тела, готового открыть свои тайны.

– Хорошо, тогда приступаем.

Кадволладер достал из кармана маленькую баночку: смесь крема для кожи и камфары – состав, призванный отбить запах разложения. Прозектор глянул на склянку, потом на Маклина, фыркнул и убрал состав в карман.

– Думаю, сегодня нам это не понадобится.

Маклин за время службы много раз присутствовал на вскрытии. Он не то чтобы привык, но и не мучился больше тошнотой, как поначалу. Из всех убитых, жертв несчастных случаев и просто невезучих людей, каких он перевидал на этом столе, мумифицированный труп молодой девушки был, пожалуй, самым необычным.

Прежде всего, тело уже было вскрыто, но Кадволладер все же исследовал каждый дюйм хрупкой фигуры, бормоча по ходу наблюдений в свисавший сверху микрофон. Наконец, убедившись, что кожа больше не даст ничего полезного относительно причины смерти, он перешел к стадии, которую Маклин терпеть не мог. От визга пилы по кости каждый раз ныли зубы, как от скрежета ногтя по классной доске. Процедура длилась долго и закончилась ужасным звуком: крышка черепа треснула, словно скорлупа вареного яйца.

– Любопытно. По-видимому, и мозг удален. Тони, посмотри!

Маклин взял себя в руки. Со вскрытым черепом девушка казалась еще меньше и моложе. В голове зияло тусклое отверстие, выстеленное засохшей кровью и

опилками кости.

– Может, сгнил?

– Нет. Учитывая общее состояние тела, я ожидал, что мозг окажется несколько усохшим, однако он удален. Возможно, через ноздри – так делали древние египтяне.

– Тогда где он?

– Мы получили образцы, но ни один из них не похож на мозг.

Кадволладер кивнул на блестящую каталку, где виднелись четыре склянки с образцами. Маклин узнал найденное накануне сердце, а об остальных органах предпочел не гадать. Еще два сосуда стояли в белых пластиковых контейнерах, потому что стекло треснуло, и из банок вытекала жидкость. Все это обнаружилось в потайных нишах, симметрично расположенных вокруг тела. В каждой нише были и другие предметы, значение которых предстояло выяснить.

– А что в разбитых? – Маклин всмотрелся в серовато-бурую жижу, размазанную по одной из банок. – Это может быть мозг?

– Трудно сказать, учитывая состояние. Но я бы предположил, что в одной почка, а в другой легкое. Проведу анализы – уточню. В любом случае у этих сосудов неподходящая для мозга форма, сам понимаешь. Сколько раз я тебе показывал. Кроме того, если его извлекали через нос, он превратился в кашу. Не было смысла хранить его в банке.

– Дельно замечено. Когда, по-твоему, она скончалась?

– Трудный вопрос. В сыром городе, даже в замурованном подвале, тело вообще не должно было мумифицироваться. Должно было сгнить. Тем не менее, этот труп прекрасно сохранился, но я не могу отыскать ни следа никаких химикатов. Трейси сделает еще несколько анализов, и на углеродную экспертизу образцы пошлем – может, повезет. А так, судя по платью, я бы сказал, лет пятьдесят-шестьдесят. Точнее сам разбирайся.

Маклин пощупал ткань платья, сложенного на каталке рядом с сосудами, поднес его к свету. Всю нижнюю часть заливали бурые пятна, а тонкое кружево ворота и манжет превратилось в волокнистую бахрому. Больше похоже на праздничное платье, а не на будничный наряд. Ткань с цветочным узором выглядела дешево, на подоле виднелись аккуратные заплаты, подшитые вручную. Ярлык производителя отсутствовал. Судя по всему, платье бедной девушки, которая хочет произвести впечатление. Инспектор вернулся взглядом к изломанному рассеченному телу и остро осознал, что только это о ней и знает.

6

Входная дверь опять стояла нараспашку, припертая обломком тротуарной плитки. Маклин подумал, не закрыть ли как следует, но не стал. Не хватало еще, чтобы студенты со второго этажа поднимали трезвон в четыре утра, добиваясь, чтобы кто-нибудь их впустил. В такую жару бездомные не станут искать ночлега в парадной. Впрочем, от бродяг на лестнице не будет вонять хуже, чем уже воняет. Морща нос от кошачьей вони, инспектор взобрался по каменным ступеням на верхний этаж, открыл дверь и бросил ключи на стол. Автоответчик высветил одно сообщение. Маклин нажал кнопку: старый приятель, с которым инспектор когда-то снимал квартиру, в очередной раз предлагал встретиться в пабе. Фил звонил с одним и тем же дважды в неделю, на всякий случай, – вдруг однажды добьется своего.

Улыбнувшись, Маклин прошел в спальню, разделся, бросил одежду в корзину для грязного белья и отправился в ванную. Долгий прохладный душ смыл дневной пот, но не очистил память. Инспектор вытерся, натянул футболку и свободные полотняные штаны и задумался, не пробежаться ли, а может, зайти в спортзал. Час силовых упражнений не помешал бы, но вот в общество напористых офисных работников попадать не хотелось. Ему бы компанию свободных, радующихся жизни людей. Может, стоит отозваться на приглашение Фила? Сунув ноги в разношенные туфли, он прихватил ключи, захлопнул дверь и спустился в паб.

«Ньюингтон-армз» был не лучшим питейным заведением в Эдинбурге, зато ближайшим к дому. Маклин толкнул крутящуюся дверь, приготовился грудью встретить волну шума и дыма, потом вспомнил, что шотландский парламент принял закон, запрещающий курение. Шум остался прежним – наверняка следующий законодательный акт будет против шума. Инспектор заплатил за

пинту «дьюкарса» и принялся высматривать знакомые лица.

– Эй, Тони, сюда! – Оклик наложился на паузу в грохоте музыкального автомата. Маклин нашел глазами кричавшего. Несколько человек сгрудились за столом у окна на улице. Судя по виду – аспиранты. Среди них выделялся профессор Филипп Дженкинс, сияя улыбкой, подогретой пивом.

– Как дела, Фил? Ты сегодня, вижу, целый гарем собрал.

Студентки с готовностью потеснились, и Маклин присел на освободившееся место.

– Не жалуюсь, – ухмыльнулся Фил. – Лаборатория получила новый грант на три года. Между прочим, финансирование повысили.

– Поздравляю. – Маклин изобразил салют пивной кружкой и стал пить под рассуждения старого приятеля о молекулярной биологии и финансовой политике. Затем разговор перешел в праздную болтовню, обычную в пабах. Инспектор время от времени вставлял слово, но с удовольствием слушал. Можно было ненадолго забыть о безумии, об изувеченных телах, о работе. Не то что выпивать со своими после смены – там совсем другое веселье, обычно оборачивающееся тяжелой головой наутро.

– А ты чем нынче занимаешься, Тони? Не часто мы тебя видим.

Маклин взглянул на говорящую. Он вроде бы помнил, что молодую женщину зовут Рейчел, что она пишет кандидатскую по какому-то труднопроизносимому предмету. Она немножко походила на криминалистку, работавшую по делу об ограблении и по расследованию убийства Смайта, только лет на десять моложе и волосы ярко-рыжие – скорее парикмахерской, чем природной рыжиной. Даже аспиранты в наше время выглядят невероятно юными.

– Рейчел, прекрати допрашивать инспектора! Как бы он тебя не арестовал. Еще и наручники наденет. – Фил подмигнул своей кружке и скорчил усмешку, знакомую Маклину по долгой жизни в одной квартире.

– Текущие расследования я не могу обсуждать, – подтвердил Маклин. – Да и слушать о них, поверьте, никакого удовольствия.

– Такие ужасные?

– Не особенно. Не из тех, что показывают по телевизору. Большею частью обычные скучные ограбления и уличная преступность. Зато этого добра в избытке. Да мне в последнее время не приходится вести следствие. От инспектора ждут, что он будет координировать и направлять других, разбираться со сверхурочными и сводить бюджет. Заниматься общим планом. Примерно как Фил сейчас, надо полагать.

Маклин сам не знал, зачем солгал, да и ложью это было только наполовину. Став инспектором, он гораздо больше занимался бумагами и меньше работал ногами. Может, дело было в том, что он пришел в паб, желая забыть о службе. Так или иначе, вопрос отравил ему удовольствие. Он не мог выкинуть из головы безжизненного взгляда Барнаби Смайта, не мог забыть муки на лице мертвой девушки.

– Давайте еще по одной, – предложил он, поднес кружку к губам и чуть не поперхнулся, сделав слишком поспешный глоток. Никто не заметил неловкости, и инспектор сбежал от компании к стойке.

* * *

– Для полицейского вы, инспектор, врите очень неумело, – прозвучал за спиной насмешливый женский голос.

Маклин обернулся. Вокруг толпились люди, отойти от стойки не удавалось. Женщина была вровень с ним ростом, светлые волосы коротко подрезаны на уровне шеи – кажется, такую стрижку называют «каре». Лицо вроде бы знакомо, но она старше собравшихся вокруг Фила аспирантов.

– Простите, мы с вами встречались? – растерянно спросил Маклин.

– Дженни Спирс! – улыбнулась она. – Забыли? Сестра Рейчел. Мы познакомились на дне рождения у Фила.

День рождения... Теперь Маклин вспомнил: море дешевого вина и Фил, будто современное воплощение короля Артура, окруженный свитой восхищенных студентов и аспирантов. Маклин тогда принес бутылку очень дорогого виски, выпил чего-то, оставившего на зубах оскомину, и смылся пораньше. В тот день он ездил на вызов из Лита. Соседи в многоквартирном доме жаловались на постоянно воющую собаку. Несчастливого пса винить не приходилось – его хозяйка умерла в своей постели не меньше двух недель назад, а мяса на старушке оставалось маловато. Возможно, в тот вечер Маклин и познакомился с этой женщиной, но воспоминание стерлось другим: обглоданные кости, догнивающие на старом матрасе.

– А, ну конечно. Еще раз прошу прощения, мыслями я был далеко.

– Похоже, вы и сейчас там. И место не из приятных. Трудный день на службе?

– И не один. – Маклин поймал взгляд бармена и предложил Дженни: – Можно вас угостить?

Аспиранты громко хохотали над шуточками профессора. Дженни посмотрела на веселящихся девушек, словно не могла решить, куда ей больше хочется.

– Да, пожалуй, – наконец кивнула она. – Белого вина. Спасибо.

Она была старше сестры, заметно старше. В светлых волосах сверкали седые пряди – она не пыталась их скрыть. И, похоже, вообще не красилась. Одета просто, даже несколько старомодно. Неподходящий наряд для вечера в такой компании. Ни боевой раскраски, ни брони.

– Так Рейчел – ваша сестра? – протянул инспектор, остро сознавая, как глупо это звучит.

– Непредвиденная случайность, как утверждают родители... – Дженни улыбнулась чему-то, понятному только ей. – Похоже, ваш приятель положил на нее глаз. Вы, кажется, вместе снимали квартиру?

– Давно, еще в студенческие годы. – Маклин шумно хлебнул пива и умолк.

– Из вас надо вытягивать по словечку? – спросила Дженни, сделав глоток вина.

– А... нет, извините. Вы застали меня в неудачный момент. Я сейчас не самый веселый собеседник.

– Не знаю, не знаю. – Дженни оглянулась на аспирантов, встречавших шутки Фила взрывами хохота. – Если уж выбирать, я всегда предпочту мрачного интроверта.

– Я... – жалобно начал было Маклин, но его прервала странная вибрация в кармане брюк. Вытащив телефон, инспектор увидел сообщение о пропущенном звонке из больницы и тупо уставился на него. Экран погас, а потом телефон и вовсе выключился. Нажимая кнопку за кнопкой, Маклин добился только слабых вспышек и писка и раздраженно запихнул мобильник в карман.

– Не одолжите мне телефон? – попросил он Дженни. – У моего все время садится батарейка.

– Кто-то вам зла желает. Вытягивает жизнь из важных для вас приборов. – Женщина пошарила в сумочке и извлекла изящный смартфон. – Так сказал бы мой бывший – впрочем, он чокнутый. С работы звонили?

– Нет, из больницы. Там бабушка.

Маклин по памяти набрал номер и быстро связался с нужным отделением. Разговор занял всего несколько секунд.

– Мне пора. – Маклин вернул телефон и направился к двери. Дженни шагнула за ним, но инспектор остановил ее. – Все нормально. Бабушке не хуже, просто надо ее повидать. Оставайтесь, допивайте вино. Скажите Филу, я ему на выходных позвоню. – Он, не оглядываясь, протолкался через веселую толпу. Все-таки он совсем не умел врать.

* * *

Лысый затылок таксиста плавно перетекал в складки загривка, так что голова выглядела какой-то оплывшей. Маклин сидел на заднем сиденье, разглядывал в

просвет подголовника светлую щетину и мысленно заклинал шофера молчать. Оранжевые вспышки уличных фонарей моргали как стробоскоп – такси мчалось по ночному городу к больнице. Полоса ливня, налетевшего с Северного моря, затуманила стекла. Инспектор насквозь промок, пока шел к стоянке, волосы слиплись, пальто пахло псиной.

– Вам к главному входу или к отделению скорой помощи? – таксист выговаривал слова как англичанин, возможно из Южного Лондона. Далеко его занесло от дома.

Голос вырвал Маклина из полусна. Прищурившись в мокрое окно, он разглядел мерцающую сквозь дождь громаду больничного здания.

– Высаживайте здесь. – Он протянул водителю десятифунтовую бумажку и сказал, что сдачи не надо. Пока шел от машины по полупустой стоянке, почти проснулся, но голова оставалась мутной. Он ведь только вчера ее видел? А теперь ее нет. Казалось бы, должно быть грустно... Почему же он вовсе ничего не чувствует?

Коридоры в глубине больницы всегда были тихими, а в этот час здание и вовсе выглядело пустым. Маклин поймал себя на том, что старается ступать бесшумно, сдерживает дыхание и ловит слухом каждый звук. Услышь он шаги, постарался бы укрыться в нише или в кладовой. Инспектор едва не вздохнул с облегчением, когда, никого не встретив, добрался до нужного отделения. Не зная, почему ему так противно видеть людей, он отворил дверь палаты и вошел.

Тонкая ширма отгораживала постель бабушки от других пациентов. Раньше этой шторы не было. Привычное мигание и гудение продолжалось, аппараты поддерживали жизнь в других, но пульс палаты переменился. Или это у него в голове что-то изменилось? Глубоко вздохнув, словно перед прыжком с обрыва, Маклин отодвинул занавеску и шагнул к кровати.

Сестры убрали все провода и трубки, откатали аппараты, но бабушку оставили на прежнем месте. Она лежала в постели, запавшие глаза закрыты, как во сне, руки поверх одеяла аккуратно сложены на животе. Теперь она походила на женщину, которую он помнил.

– Примите мои соболезнования...

Маклин обернулся к стоявшей в дверях сестре. Той самой, с которой он говорил накануне, той, что все эти долгие месяцы заботилась о его бабушке. Джинни, вот как ее зовут. Джинни Робертсон.

– Незачем, – сказал он. – Она бы все равно не оправилась. На самом деле так лучше. – Он снова повернулся к покойнице, впервые за полтора года видя в ней прежнюю бабушку. – Если я буду долго это повторять, может быть, и сам поверю.

7

С раннего утра у входа в один из следственных кабинетов толпились люди. Маклин, просунув голову в дверь, обнаружил хаос, неизменно сопутствовавший началу большого расследования. Вдоль одной стены стояла чистая белая доска, и кто-то черным маркером вывел на ней: «Барнаби Смайт». Констебли патрульной службы расставляли столы и стулья, техники подключали компьютеры. Дагвида нигде не было видно.

– Вы участвуете в расследовании, сэр?

Маклин оглянулся. Широкоплечий полицейский нес большую картонную коробку, заклеенную черно-желтой лентой. Эндрю Хаусман, для друзей – Большой Энди. Компетентный полицейский и отличный игрок в регби. Если бы не травма в начале карьеры, он бы сейчас играл за национальную сборную, а не служил на побегушках у Дагвида. Инспектору парень нравился. Может, Большой Энди был не из умников, зато дотошный.

– Следствие веду не я, Энди, – ответил Маклин, – а к моей помощи Дагвид сам знаешь, как относится.

– Но вы были на месте преступления. Эм говорила, что вас там видела.

– Что за Эм?

– Ну, Эмма. Эмма Бэйард. Знаете, новенькая в экспертном отделе. Высокая такая брюнетка, волосы торчком и всегда перебирает с подводкой для глаз.

– Ого? У вас уже что-то затевается? Только я тут скорее на стороне твоей жены.

– Нет-нет, я просто ездил в управление, вещдоки с места преступления привез. – Энди покраснел и покачал коробку, подтверждая свои слова. – Она и сказала, что видела вас в доме Смайта и надеется, что вы изловите психа, который его убил.

– Именно я? В одиночку?

– Ну, она наверно, имела в виду нас всех.

– Конечно, Энди. Только в этом деле придется вам обойтись без меня. Так Дагвид решил. Кроме того, у меня свое убийство имеется.

– Ага, я слышал. Жуть.

Раскаты гулкового голоса в коридоре предупредили о приближении старшего инспектора. Маклин не собирался влипать еще в одно дело, тем более в такое, где следствие возглавлял Чарльз Дагвид.

– Мне пора, Энди. Меня вызывала главный суперинтендант, а она ждать не любит.

Он обогнул крупную фигуру собеседника и направился к своему кабинету, а остальные – чуть ли не половина всех полицейских округа – цепочкой потянулись на утреннее совещание, посвященное убийству Барнаби Смайта. Приятно видеть, что силы распределили поровну! Впрочем, Смайт – важная особа, благодетель города, видный член общества. А девушки из подвала за пятьдесят лет никто не хватился.

* * *

Добравшись до кабинета, Маклин так и не встретил Ворчуна Боба – для него было слишком рано. А вот Макбрайд уже углубился в работу. Он где-то раздобыл три стула и – просто чудо! – лэптоп. Маклин вошел в кабинет, и констебль оторвал взгляд от экрана.

– Как дела, констебль? – Инспектор снял пиджак и пристроил его на створку двери. Радиатор под окном все так же изучал тепло.

– Почти закончил с протоколами ограблений, сэр. Кажется, что-то есть.

Маклин подтянул стул с отломанной планкой.

– Показывай!

– Видите ли, сэр, вот эти все случайные, насколько я могу судить. Взломщики неопытные, может, начинающие наркоманы, а нам просто не повезло с уликами. – Макбрайд взял с края стола толстую пачку дел и убрал их обратно в коробку. – А вот эти... – Он указал на тонкую стопку, четыре или пять папок. – Ну, по-моему, они связаны между собой.

– Продолжай.

– Эти все совершены кем-то умелым. Не просто кирпичом в окно, вообще никаких признаков взлома. Во всех случаях каким-то образом обошли систему сигнализации, и всюду взломщик забирал только мелкие предметы большой ценности.

– Из сейфов?

– Нет, сэр. Взлом сейфа – это что-то новенькое. Но есть еще один общий фактор. Во всех случаях владелец дома незадолго до того скончался.

– Незадолго?

– Ну, в пределах месяца. – Макбрайд помолчал, словно раздумывая, стоит ли продолжать. – Так вот, одно ограбление произошло через восемь недель после смерти старой женщины. А остальные четыре, – в пределах двух недель. То, что на прошлой неделе, – в день похорон. Надо проверить даты похорон по другим делам, в протоколах они не указаны.

– О похоронах миссис Дуглас извещали в газетах, и некролог печатали. – Маклин взял папки, просмотрел имена и даты. Самое свежее дело было годичной

давности, самое старое – пять лет назад. Номинально дела не закрыты. Зависли. Все под бдительным оком его любимого старшего инспектора. Вряд ли Дагвид о них вспомнит. – Посмотрим, не удастся ли наскрести с этих костей немного мяса. – Инспектор вернул Макбрайду папки. – Узнай побольше об усопших. Публиковали ли некрологи? Извещали о похоронах или нет, а если да – в каких газетах.

– А что с сигнализацией? – спросил констебль. – Некоторые системы так просто не обойдешь.

– Хорошая мысль. Так... Надо выяснить, где скончались эти люди. Дома, в больнице, в домах престарелых?

– Думаете, наш взломщик был рядом? Разве это не слишком рискованно?

– Нет, если грабить после смерти намеченной жертвы. Подумай сам. Если взломщик работает в доме престарелых, он мог очаровать старика, добиться его доверия. Тогда человек сам ему рассказывал все, что нужно, и оставалось только дожждаться его смерти, – задумчиво сказал инспектор и тут же понял, как натянуто это предположение.

Стук в дверь помешал Маклину раскритиковать собственную мысль. В кабинет нерешительно заглянула девушка-сержант, словно опасаясь, что за дверью ее ждет нечто ужасное.

– Сэр, я так и знала, что вы здесь. С вами хочет поговорить суперинтендант.

Маклин встал и потянулся за помятым пиджаком. Девушка скрылась.

– Давай для начала выясним с некрологами. Узнай, насколько известными были эти люди. Дождись Ворчуна Боба и свяжитесь с заявителями по каждому делу, поищите общую тему. А я узнаю, чего желает ее величество. И еще, Стюарт... – Молодой детектив оторвался от раскрытой папки. – Молодец, хорошо поработал!

* * *

Маклин помнил Джейн Макинтайр честолюбивым сержантом полиции, рвущимся к повышению. Уже тогда она находила время для подчиненных. Она избегала равных по званию, предпочитала общаться с инспекторами и главными констеблями, но если кто из нижних чинов нуждался в ее помощи – она помогала. Всегда благоразумнее не ссориться с людьми, которых обходишь, поднимаясь вверх, – а то как бы не пришлось с ними столкнуться, слетая вниз. Впрочем, Маклин сомневался, что Макинтайр ждет срыв – и потому, что ее все уважали, и потому, что она целила на самый верх. Она была всего на восемь лет старше инспектора, а вот – уже суперинтендант, начальник участка. Никто не сомневается, что когда заместитель главного констебля через полтора года уйдет в отставку, Макинтайр займет его место. Она разбиралась в политике и умела произвести впечатление на влиятельных людей, не унижаясь до заискиваний. Возможно, это было главное ее искусство, и Маклин не пенял ей за успех, добытый таким способом. Просто предпочитал не попадать в ее поле зрения.

– А, Тони. Спасибо, что заглянул.

Макинтайр встала, ответив на стук инспектора в открытую дверь. Это уже дурной знак. Она вышла из-за стола, протянула руку. Маленького роста, только-только уложилась в минимум, необходимый для служащего полиции. Длинные каштановые волосы уложены в аккуратный пучок на затылке, виски посеребрила первая седина. Крем-пудра не скрывала морщин, пролегавших в уголках глаз при улыбке.

– Извините, что задержался. Ночь выдалась тяжелая.

– Ничего. Садитесь. – Она кивнула на кресла, стоявшие в углу просторного кабинета, одно заняла сама. – Ко мне сегодня утром обратился старший инспектор Дагвид. Сказал, что вы накануне шныряли на месте убийства Барнаби Смайта.

Так вот в чем дело. Страшная штука – профессиональная ревность.

– Я проезжал мимо, увидел, что случилось неладное, и решил помочь. Я вырос в тех местах и знаю многих жителей района. Старший инспектор Дагвид пригласил меня осмотреть место происшествия.

Макинтайр слушала и кивала головой, не сводя глаз с лица инспектора. Под ее взглядом Маклин всегда чувствовал себя провинившимся школьником, вызванным к директору. Начальница встала и шагнула к боковому столику, где стояла кофейная машина.

– Кофе?

Маклин кивнул. Макинтайр отмерила молотый кофе из стеклянной банки, залила воды ровно на две чашки и включила машину.

– Барнаби Смайт был очень влиятельным человеком, Тони. Его убийство вызвало серьезное беспокойство в верхах. Парламентские запросы и все такое... Нам придется выдержать давление. По этому делу нужен результат, и нужен быстро.

– Я не сомневаюсь, что старший детектив-инспектор Дагвид сделает все возможное. Он уже собрал для расследования основательную группу поддержки.

– Этого мало. По этому делу должны работать мои лучшие следователи, и мне нужно, чтобы они сотрудничали между собой.

Из кофеварки в стеклянный кувшин начала капать коричневая жидкость.

– Вы хотите, чтобы я подключился к расследованию?

Макинтайр вернулась к рабочему столу, взяла с него конверт из плотной бумаги и разложила перед инспектором десятки цветных фотографий, отснятых в библиотеке Барнаби Смайта. Вскрытая грудь крупным планом; остекленелые голубые глаза и залитый кровью подбородок; руки, спокойно лежащие на подлокотниках; вывалившиеся на колени внутренности. Маклин обрадовался, что не успел позавтракать.

– Все это я уже видел, – произнес он, когда Макинтайр, налив две чашки кофе, перенесла их на столик и снова опустилась в свое кресло.

– Ему было пятьдесят четыре года. За свою жизнь Барнаби Смайт сделал для Эдинбурга больше, чем кто-либо другой, и все-таки нашелся злодей, который

так гнусно обошелся со стариком. Я хочу, чтобы вы узнали, кто это сделал и зачем. И узнали прежде, чем они вздумают выпотрошить еще кого-нибудь из видных граждан города.

– А Дагвид обрадуется моему появлению в команде?

Маклин пригубил кофе и сразу пожалел об этом. Горячий, но жидкий, на вкус как помои.

– Вряд ли обрадуется. Но Чарльз – опытный следователь. Он не позволит личной неприязни встать на пути столь важного расследования. И мне хочется думать, что то же можно сказать и о вас.

– Конечно.

Макинтайр улыбнулась.

– А как другое ваше дело?

– Констебль Макбрайд предложил хорошую версию по поводу ограбления. Он предполагает связь с несколькими преступлениями, совершенными ранее, до пяти лет назад. Личность убитой девушки пока не установили, криминалисты считают, что убийство произошло лет шестьдесят назад. На сегодняшнее утро у меня назначена встреча со строителями.

Маклин коротко описывал намеченные действия, понимая, что начальница почти не слушает. Все это напоказ: внимание к делам, дружеское участие. Но это – хороший признак. Значит, она считает, что нуждается в инспекторе. Впрочем, у него хватило ума уловить и подтекст. Его подключили к делу об убийстве Смайта, потому что следствие может зависнуть. Возможно, случатся новые покушения на видных граждан, а возможно, преступник исчезнет без следа. В неудаче обвинят не суперинтенданта Макинтайр и не старшего инспектора Дагвида. Нет, Маклина пригласили в следственную группу, чтобы, при необходимости, кинуть на растерзание волкам.

Через две минуты после начала разговора Маклин понял, что Томми Макаллистер ему не нравится. Недовольство инспектора усиливалось тем обстоятельством, что, вернувшись от Макинтайр, он не застал своих подчиненных в кабинете и потратил несколько минут на поиски, прежде чем вспомнил, что сам отправил их опрашивать ограбленных. Участок почти опустел – кажется, всех полицейских мобилизовали на расследование убийства Смайта. Все же инспектор сумел отыскать девушку-констебля и убедить, что она ничего не потеряет, если найдет ему служебную машину. Сейчас констебль стояла в углу, держа в руках блокнот, и заметно нервничала. Если она собирается работать следователем, придется ей с этим как-то справляться.

– Могу я предложить вам кофе, инспектор? Констебль?

Макаллистер откинулся на спинку черного кожаного кресла, полагая, что оно придает ему важности. Он был в костюме, только пиджак отбросил на стоявший рядом картотечный шкафчик. Рубаха помята, под мышками темные пятна пота. Ослабленный узел галстука и закатанные рукава создавали впечатление непринужденности, но Маклин отметил, как собеседник нервно стреляет глазами, крутит пальцами и дергает ногой.

– Благодарю вас, не стоит, – отказался инспектор. – Мы ненадолго. Хотелось бы уточнить несколько фактов относительно особняка в Сайтхилле. Мистер Мурдо здесь?

Услышав это имя, Макаллистер недовольно поморщился, но потянулся к столу и нажал кнопку древнего интеркома.

– Джанет, вызови Донни! – Он оторвал палец от кнопки, снова взглянул на Маклина и мотнул головой к окну. – Он где-то на объекте.

Женский голос из динамика объявил, что Донни Мурдо приглашают в контору. Маклин, осмотрев помещение, не обнаружил ничего особенно неуместного. Тесновато, все свободное место занято картотечными шкафами и стеллажами. На стенах правила безопасности, счета, уведомления. В одном углу сложены треноги, рейки и прочее измерительное оборудование.

– Кто владелец особняка? – спросил Маклин.

– Я. Купил за наличные. – Макаллистер выпрямился в кресле, на обветренном лице отразилось нечто вроде гордости.

– Давно вы им владеете?

– Примерно полтора года. Джанет скажет точнее. Самое муторное – получить разрешение на перепланировку, вы же знаете. Прежде можно было добиться всего, просто поговорив с нужными людьми. А теперь всюду комитеты, проверки и запросы. Трудно стало зарабатывать на жизнь.

– Сочувствую, мистер Макаллистер.

– Ну что вы, инспектор, зовите меня Томми.

– У кого вы купили особняк?

– У какого-то банка, из новых. Восточный финансовый банк, если мне память не изменяет. Не слишком понимаю, почему они решили продавать. Возможно, решили отказаться от недвижимости и вернуться к акциям. Они сами недолго им владели. – Макаллистер снова дотянулся до кнопки и отрывисто приказал: – Джаннет, принесите документы по Фарквар-хаусу.

– Для вас это новая область деятельности, не так ли, мистер Макаллистер? – заметил Маклин. – Я имею в виду реконструкцию старых домов. Вы ведь составили капитал, возводя бетонные коробки в Боннириге и Лассуэйде?

– Ага, верно. Хорошие были времена. Но теперь в городе не найдешь дешевой земли под застройку. Сначала все жалуются, что мы губим природу, а потом стонут, что цены на жилье взлетают до небес. Тут уж выбирать не приходится: либо мы строим новые дома, либо их на всех не хватит и цены поднимаются.

– А может, лучше снести этот особняк и выстроить на его месте жилой квартал?

Макаллистер собирался ответить, но ему помешал стук в дверь. Створка приоткрылась, в дверь нерешительно просунулось мрачная физиономия.

– Заходи, Донни, садись. Не стесняйся. – Вставать Макаллистер не стал.

Донни Мурдо оглядел Маклина, потом констебля, и на хмуром лице появилось выражение загнанного зверя. Этот человек за свою жизнь не раз сталкивался с законом. Плечи он ссутулил так, словно готов был обратиться в бегство при малейшем намеке на угрозу. На тыльной стороне крупных ладоней смутно виднелись вылинявшие татуировки.

– Вот документы, которые вы просили. – Секретарша выложила на стол толстую папку, неодобрительно покосилась на Маклина и бесшумно вышла, закрыв за собой дверь.

– Вы позавчера вечером работали в особняке в Сайтхилле, Донни? – спросил Маклин.

Прораб стрельнул глазами на босса. Макаллистер выпрямил спину, облокотился о стол, чуть заметно кивнул.

– Ага. Точно, как раз там.

– И чем именно вы занимались?

– Мы-то? Подвал разбирали. Там тренажерный зал хотят устроить.

– Мы? Я думал, потайную комнату вы обнаружили, когда один работали.

– А, ну... да, конечно. Ребята раньше помогали. Я их по домам отправил, а сам малость еще разбирался. Закачивал, чтоб они прямо с утра начали штукатурить.

– Страшно было труп найти?

– Да я не много и разглядел. Руку только увидел. Сразу и позвонил вот Макаллистеру. – Донни уставился на свои ладони, поковырял под ногтями – лишь бы не встречаться ни с кем глазами.

– Что ж, спасибо. Вы нам очень помогли. – Маклин встал и протянул прорабу руку. Донни Мурдо испуганно уставился на него и робко пожал предложенную ладонь.

– Чем еще я могу помочь, инспектор? – спросил Макаллистер.

– Не помешало бы получить копии документации. Мне надо выяснить, кому принадлежал дом, когда погибла несчастная девушка.

– Здесь все есть. Забирайте оригиналы, прошу вас. – Макаллистер повел рукой, но с места не встал. – Уж если полиция их не убережет, так на кого надеяться, а?

Маклин передал папку констеблю.

– Я постараюсь вернуть все как можно скорее.

Он собрался уходить, и только тогда Макаллистер поднялся с кресла.

– Инспектор?

– Да, мистер Макаллистер?

– Вы не знаете, когда можно будет возобновить строительство? Мы и так задержались с этим проектом. Я каждый день теряю деньги, а работать нам не позволяют.

– Я переговорю с криминалистами. Наверное, еще день или два.

Выйдя из офиса, Маклин занял пассажирское место, пустил констебля за руль и молчал, пока они не выехали на улицу.

– По-моему, он врет, – задумчиво произнес инспектор.

– Макаллистер?

– Нет. Вернее, да. Этим застройщикам всегда есть что скрывать. Но в данный момент он думает только, как бы продолжить проект. Нет, я о Донни Мурдо. Может, он и был в подвале, но не работал. Уж во всяком случае, не кувалдой. Руки у него нежные – он тяжелой работой много лет не занимался.

– Значит, тело нашел кто-то другой? Кто же?

– Не знаю. Так или иначе, вряд ли это связано с убийством. – Маклин раскрыл папку и начал перебирать беспорядочный набор контрактов и писем. – Но я узнаю.

* * *

– Ты свой чертов мобильник когда-нибудь включаешь? – На правом виске у старшего инспектора Дагвида вздулась толстая жила – неизменно дурной знак. Маклин пошарил в кармане пиджака, выудил мобильник и щелкнул крышкой. Экран пустой, кнопка включения не работает.

– Опять батарейка села. Уже третья за месяц.

– Но ты же теперь инспектор. У тебя собственный бюджет. Купи себе новый телефон. Желательно, такой, чтоб работал. Или рацией обзаведись.

Маклин запихнул злосчастный мобильник в карман и передал папку констеблю Кидд – той самой девушке, что сопровождала его к Макаллистеру, а сейчас, похоже, рада была бы сбежать, пока ее не втянули в начальственные разборки.

– Отнесите это констеблю Макбрайду, предупредите, чтобы не потерял. Я не желаю оказаться в долгу перед Томми Макаллистером.

– Что еще за Макаллистер? Осведомитель, что ли? – поинтересовался Дагвид и посмотрел в спину уходящей девушке, будто соображал, почему она не работает по его заданию.

– Это владелец дома, где нашли тело молодой женщины.

– А, дело о ритуальном убийстве. Слышал, как же. Точно по твоей части: богачи с их непристойными извращениями.

Маклин пропустил шпильку мимо ушей. Слышал и не такое.

– Вы хотели меня видеть, сэр?

– По делу Смайта. Ты, как я понял, говорил с Джейн, должен понимать, насколько важно получить результат как можно скорее.

Маклин кивнул, отметив, с какой легкостью Дагвид назвал суперинтенданта по имени.

– Ну, вскрытие состоится через полчаса, не опоздай, – продолжил старший инспектор. – И вообще, ты несешь ответственность за сбор и получение всех результатов криминалистических анализов. А я опрошу прислугу, попытаюсь выяснить, с кем Смайт был не в ладах.

В таком разделении обязанностей был смысл. Маклин смирился с необходимостью работать с Дагвидом и решил, что надо по возможности налаживать отношения.

– Послушайте, сэр, насчет того вечера. Извините, что я сунул свой нос не в свое дело. Это ваше расследование.

– Мы не соперники, Маклин. Погиб человек, его убийца гуляет по улицам. Сейчас важно только это. Ты на след преступника выйди, и я стерплю тебя в своей команде, договорились?

Вот и наводи с ним мосты! Маклин кивнул, не доверяя своему языку: не хотелось ляпнуть что-нибудь неприятное для Дагвида.

– Вот и славно. А сейчас отправляйся в морг, узнай, что нашел твой дружок-вурдалак, этот Кадволладер.

* * *

Доктор Шарп подняла голову, улыбнулась Маклину и продолжала раскладывать пасьянс на компьютере.

– Он еще не пришел. Придется вам подождать, – обратилась она к экрану.

Маклин был не против. Вскрытие трупов никогда не радует, зато в морге работали кондиционеры.

– Вы уже получили результаты экспертизы по убитой девушке? – спросил инспектор.

Трейси Шарп со вздохом оторвалась от монитора и повернулась к завалам бумаг.

– Посмотрим... – Она вытащила листок из груды документов. – Вот протокол экспертизы. Хм-м. Более пятидесяти лет назад.

– Это все?

– Нет. Убита менее трехсот лет назад, но, поскольку прошло более пятидесяти, углеродной датировкой точнее дату не установить.

– Почему?

– Спасибо американцам. Они начали ядерные испытания в сороковые годы, а по большому счету все пошло с пятидесятих. Атмосфера наполнилась изотопами сверх природного фона. Мы все ими полны – и вы, и я. Все, кто жил после тысяча девятьсот пятьдесят пятого. Когда мы умираем, изотопы начинают распадаться. Мы пользуемся этим, чтобы установить, как давно умер человек, – но только если он умер после тысяча девятьсот пятьдесят пятого. Ваша бедняжка погибла раньше.

– Понятно, – соврал Маклин. – А по химикатам есть информация? Что использовал преступник?

Трейси, порывшись в бумагах, вытащила еще один листок.

– Ничего.

– Ничего?

– Мы ничего не нашли. Анализы показывают, что она просто высохла.

– Такое случается, Тони. Особенно если выпустить из тела кровь и другие жидкости, – заметил Кадволладеру, входя в прозекторскую, и протянул помощнице бумажный пакет. – Сэндвич с авокадо и беконом. С бастурмой уже кончились.

Трейси схватила пакет, полезла внутрь и вытащила аппетитный бутерброд. У Маклина забурчало в животе – инспектор весь день не ел. Потом вспомнил, зачем сюда пришел, и решил, что оно и к лучшему.

– Ты по делу, или заглянул поболтать с моей ассистенткой? – Кадволладер стянул с себя пиджак и, повесив на дверь, переоделся в чистый хирургический комбинезон.

– Я насчет Барнаби Смайта, – пояснил Маклин. – Мне сказали, сегодня вскрытие.

– Так дело же ведет Дагвид.

– У Смайта много влиятельных друзей. Макинтайр готова впрячь в расследование всю городскую полицию, лишь бы поскорей раскрыть дело. На нее сверху давят.

– Должно быть, неслабо давят, если она свела тебя со старым занудой. Ну, хорошо, посмотрим, что скажут останки.

Тело, накрытое резиновым полотнищем, лежало в прозекторской на столе из нержавеющей стали. Маклин отошел подальше, а Кадволладер приступил к работе, довершая начатое убийцей. Патологоанатом тщательно осматривал твердую бледную плоть и зияющие раны.

– Для его возраста – здоровье отличное. Мышечный тонус свидетельствует о регулярных тренировках. Никаких признаков синяков или следов веревок. Это согласуется с положением, в котором его обнаружили. На руках отсутствуют порезы и ссадины, он не пытался обороняться. – Перейдя к голове Смайта, Кадволладер занялся раной, тянувшейся от уха до уха. – Горло перерезано предметом с острым лезвием, вряд ли скальпелем. Возможно, резак или кромочным ножом. Неровности разреза указывают, что он сделан слева направо. Угол проникновения лезвия указывает, что убийца встал позади сидящей жертвы, держа нож в правой руке и... – Он рубанул ладонью по воздуху.

– Это его и убило? – осведомился Маклин, отгоняя мысль о том, что чувствовал убитый.

– Возможно. Скорее всего, он умер вот от этого. – Кадволладер указал на разрез, тянувшийся от паха до груди убитого. – Если после такого сердце продолжало биться, значит, Смайта накачали анестетиками.

– Однако глаза у него были открыты, – заметил Маклин, припомнив неподвижный взгляд убитого.

– Возможно провести полное обезболивание, не усыпляя человека. Правда, это не просто. Какое вещество использовали, я не скажу, пока не придут результаты анализов. Ответы должны быть к вечеру, самое позднее – к завтрашнему утру.

Патологоанатом снова повернулся к телу и начал извлекать органы. Он доставал их один за другим, осматривал каждый, укладывал в белые пластиковые корытца, подозрительно напоминавшие коробочки для мороженого, и передавал Трейси для взвешивания. Маклин с возрастающим беспокойством наблюдал, как Кадволладер чуть не носом водит по паре ярко-розовых легких, тычет в них пальцами, едва не ласкает.

– Сколько лет было Барнаби Смайту? – спросил Кадволладер, взяв в руки что-то коричневое и скользкое. Маклин пролистал свой блокнот, но вспомнил, что там нет сведений по этому делу.

– Не знаю. Лет восемьдесят, не меньше.

– Да, я так и думал. – Эксперт отложил печень в ведро, взвесил и пробурчал что-то себе под нос.

Маклину это бурчание было знакомо, и в животе у него возникло сосущее чувство, никак не связанное с голодом. Инспектор не любил осложнения, возникающие на самой простой стадии расследования. У Дагвида он окажется виноват даже в том, в чем не виноват. Пристрелили гонца.

– Хочешь сказать, что есть проблема... – В тоне инспектора не было вопроса.

– Да не то чтобы проблема. Так, в голову всякая дурь лезет. – Кадволладер, отгоняя ненужные мысли, взмахнул перемазанной в крови перчаткой. – Даже обидно. Он, должно быть, всю жизнь старался сохранить здоровье и хорошую форму, а какой-то мерзавец его выпотрошил.

9

Кабинет, отведенный группе по делу об убийстве Смайта, гудел как улей. Десяток полицейских загоняли информацию в компьютеры, звонили по телефонам и вообще не теряли времени даром. Дагвида не было. Маклин, вернувшийся из морга, возблагодарил судьбу и двинулся дальше по коридору, задержавшись только у торгового автомата, чтобы купить бутылку холодной воды. В своем следственном кабинете он открыл бутылку и выхлебал половину в три больших глотка. Вода тяжело стекла в желудок и забулькала.

Ворчун Боб, подперев лоб ладонью, сидел за столом и читал газету. Когда Маклин вошел, сержант виновато глянул на него и потянул к себе коричневую папку с протоколами.

– Что у тебя тут, Боб?

– Э-э... – Сержант недоуменно посмотрел на папку, перевернул ее, открыл и обнаружил, что положил не той стороной вверх. – Дело об ограблении дома некой миссис Дорис Сквайрс. Июнь прошлого года. Мы с парнишкой сегодня видели ее сына. Он очень удивился, что мы объявились. Спросил, не нашлись ли пропавшие драгоценности его матери.

– А где констебль Макбрайд? – Маклин обвел глазами комнату, в которой было совершенно негде спрятаться.

– Я его за пончиками послал. Он скоро вернется.

– Пончики в такую жару? – Маклин снял пиджак, повесил его на створку двери, допил воду и почувствовал легкое головокружение. Мысли его вернулись к Барнаби Смайту. ...Нож вскрывает сонную артерию, кровь хлещет на изувеченное тело. Он понимает, что умирает... Инспектор потрянул головой, отгоняя жуткую картину. Может, неплохо все же что-нибудь съесть. – Сквайрс

сказал что-то полезное?

– Смотря что считать полезным. Ясно одно: старая миссис Сквайрс никому не доверила код охранной системы.

– В доме не было сигнализации?

– Была, и еще какая! Охранная система «Пенстеммин», дистанционная. Навороченная до ужаса. Только миссис Сквайрс была слепа и выжила из ума. Кода она не знала и знать не могла. Систему всегда включал сын. И умерла старушка дома, во сне. Ограбление произошло через две недели, в день похорон. В газетах извещали и некролог печатали.

– Значит, не сотрудник дома престарелых. Зато опять система «Пенстеммин». Надо бы их проверить. Узнай, кто в управлении их ведет.

Жалобы Ворчуна Боба на лишнюю работу прервал стук в дверь. Никто не успел ответить – в распахнувшуюся дверь вплыла большая картонная коробка. При ближайшем рассмотрении под коробкой обнаружилась пара ног в синих форменных брюках. Края коробки обхватывали маленькие ладошки, а из-за коробки доносился сдавленный женский голос:

– Инспектор?

Маклин поспешно перехватил коробку и сгрузил ее на стол, поверх папки с делом Сквайрс.

– Спасибо, сэр, – пискнула констебль Кидд, переводя дух. – Я уж думала, уроню.

– Что там, Алисон? – спросил Ворчун Боб.

– Из криминалистического отдела вернули. Говорят, провели все возможные анализы, но безрезультатно.

В коробке обнаружилась груда пакетов для улик с аккуратными бирками: предметы, найденные в нишах. Их сопровождали толстые папки экспертных заключений и фотографии с места происшествия. Органы в банках остались в

морге, но имелись их фотографии и результаты экспертиз, подтверждающие, что органы извлечены из тела убитой. Маклин взял первый попавшийся пакет, увидел золотую галстучную булавку и сложенную карточку. Перебрав снимки, он нашел фотографию с места преступления, где два предмета лежали перед треснувшим сосудом.

– Остальные фото у нас? – спросил инспектор.

Ворчун Боб пошарил на столе, наклонился и, скрипя суставами, извлек откуда-то толстую папку, где хранились фотографии формата А4.

– Хорошо, давайте попробуем разложить все по порядку. Констебль... Алисон, вы не могли бы помочь?

Алисон немного смутилась.

– Мне надо работать по делу об убийстве Смайта, сэр.

– А мне надо разбирать экспертные заключения, но здесь нам будет гораздо интереснее. Не волнуйтесь, я не позволю Дагвиду устроить вам выволочку.

Пакеты с вещественными доказательствами вынули из коробки и разложили по полу вместе с соответствующими фотографиями. Тут вернулся Макбрайд с коробкой пончиков. В стене круглой потайной комнаты имелось шесть ниш, и в каждой хранился один сосуд с органом, сложенная карточка с одним напечатанным словом и один предмет. Галстучная булавка прилагалась к сосуду с остатками разложившихся почек, а на карточке значилось «Жестянка». Положив фото банки поверх фотографии ниши, Маклин извлек маленькую серебряную коробочку для пилюль с остатками аспирина и карточку со словом «Вомбат». Потом следовала треснувшая банка с легкими, при ней – украшенная драгоценными камнями запонка и карточка со словом «Куколка». Японская шкатулка-нэцке с хлопьями нюхательного порошка и карточка со словом «Профессор» сопровождали склянку с прекрасно сохранившейся селезенкой. Еще одна уцелевшая банка содержала матку и яичники. Рядом с ней нашли очки в тонкой проволочной оправе и карточку, помеченную «Гребо». И наконец, в нише напротив головы девушки помещалось сердце, изящный серебряный портсигар и карточка со словом «Шкипер».

Когда последние кусочки головоломки улеглись на место, в комнате повисло неуютное молчание. Два из шести сосудов каким-то образом оказались повреждены. Или их в таком виде замуровали? Намеренно или случайно?

Маклин встал, разогнув занемевшие колени.

– Так, кто желает высказаться первым?

Долгая пауза, как в классе, услышавшем трудный вопрос учителя.

– Может, это клички? – робко нарушила тишину констебль Кидд.

– Продолжайте, – ободрил ее Маклин.

– Ну, тут их шесть. Шесть личных вещей. Шесть органов жертвы. Шесть человек?

Инспектора передернуло. Можно предположить, что в убийстве участвовал не один человек, – иначе преступление слишком трудно было бы скрыть. Но шестеро?

– Думаю, вы правы. Тут есть какая-то причина. Вдобавок, если в ритуале участвовали шестеро, значит, каждый оставил какую-то памятку от себя и забрал часть девушки.

– Гадость какая... Зачем такое делать? – спросил Ворчун Боб.

– Папуасы Новой Гвинеи поедали своих умерших.

Все взгляды обратились к Макбрайду, и юноша покраснел от неожиданного внимания.

– Это тут при чем?

– Ну, не знаю. Они верили, что, съев человека, получаешь его силу и мощь. На погребальных пиршествах всем раздавали по куску тела. Вождям и важным особам предлагали лучшие части, женщины и дети обходились требухой и

мозгами.

– Откуда ты все это знаешь, Стюарт? – удивился Маклин.

– А потом папуасы начали чахнуть и умирать от таинственной болезни. Помнится, называли ее «куру». Она почти полностью уничтожила население Новой Гвинеи. Ученые считают, что таинственный недуг был формой коровьего бешенства. Знаете, болезнь Крейтцфельдта-Якоба? Каннибализм обеспечил распространение вируса от поколения к поколению.

– Фонтан бесполезных сведений! При чем тут наша бедняжка? Ее никто вроде бы не съел? – пробурчал Ворчун Боб.

– Ну, если каждый взял свою часть, может, они... не знаю, хотели получить часть ее молодости или еще что.

– Ну и фантазер ты, – заметил Ворчун.

– Полегче, Боб. Неизвестно, почему девушку убили. Я готов выслушать самые невероятные версии, но для начала надо сосредоточиться на вещдоках. – Маклин вытащил из коробки пакет с платьем, сложенным аккуратно, будто только что с полки универмага. – Посмотрим, нельзя ли уточнить время смерти.

* * *

Старший инспектор следственного отдела Чарльз Дагвид стоял посреди кабинета, управляя сотрудниками, как дирижер – несыгранным оркестром. К нему то и дело подходили за одобрением своих действий, но чаще нарывались на сарказм. Маклин, остановившись в дверях, наблюдал за происходящим и думал, что дела шли бы лучше, не будь здесь Дагвида.

– Нет, на это времени не тратьте. Мне нужны рабочие версии, а не праздные рассуждения. – Подняв голову, старший инспектор заметил Маклина. – А, инспектор! – у него это слово прозвучало как оскорбление. – Рад, что вы к нам присоединились. А вам, констебль Кидд, не следует отвлекаться на другие дела без разрешения старшего по званию.

Маклин собирался вступить за девушку, но та виновато понурилась и шмыгнула в ряд полицейских, работавших за компьютерами. Маклин прекрасно помнил о способностях Дагвида управлять подчиненными. Основные методы: наорать и запугать. Всякий, не лишенный инстинкта самосохранения, быстро учился никогда не оправдываться.

– Что там со вскрытием?

– Смерть, вероятнее всего, наступила от кровопотери при перерезании горла. Доктор Кадволладер не уверен, но предполагает, что Смайта накачали обезболивающими средствами, прежде чем вспороть ему живот. Следов борьбы нет, как нет и никаких признаков, что его связали. То обстоятельство, что он не умер от удаления селезенки, заставляет предположить какой-то способ анестезии.

– Значит, убийца обладал некоторыми познаниями в медицине, – заметил Дагвид. – Известно, что он использовал?

– Анализы крови будут готовы к вечеру, сэр. До тех пор я ничего больше не могу сделать.

– А ты поторопи их. Нельзя терять ни минуты. Главный констебль звонит весь день, требует результатов. Вечерняя пресса сообщит об убийстве, к тому времени мы должны знать, что говорить журналистам.

Вот так: дело надо раскрыть побыстрее, чтобы не ставить в неловкое положение главного констебля – а не для того, чтобы остановить сумасшедшего, который вырезает людям внутренности и запихивает их в рот жертвам. Интересно у Дагвида расставлены приоритеты.

– Я немедленно этим займусь, сэр, – пообещал Маклин и повернулся к выходу.

– А это что у тебя? Что-то существенное? – Дагвид кивнул на пакет в руках у Маклина.

«Похоже, день следствия ничего не дал, – подумал Маклин. – Старший инспектор не знает, за что хвататься».

– Это по сайтхиллскому делу. Одежда убитой. – Инспектор протянул пластиковый пакет, но Дагвид и не подумал его взять. – Попробую уточнить время смерти. Может, кто-нибудь знает, когда сшили платье.

Кажется, старший инспектор готов был наорать на Маклина, как орал, когда тот был еще сержантом. Дагвид побагровел, на лбу вздулась жила, он с трудом сдерживался.

– Да, конечно. Хорошо. Но не забывай, насколько важно это дело. – Он обвел рукой помещение. – Тот убийца, вероятно, давно умер. А мы ищем живого.

* * *

Маклин не помнил, когда открылся этот магазин. Кажется, в середине девяностых. На Кларк-стрит полно таких лавочек, их посещают бедные студенты, населяющие окрестности. Магазины специализировались на секонд-хенде, в особенности на вечерних платьях и костюмах, сшитых в те времена, когда одежда значила куда больше нынешнего. Маклин несколько раз заходил сюда, искал чего-нибудь, отличающегося от дешевого ширпотреба, из которого инспектор не вылезал с тех пор, как сдал экзамены на следователя. К сожалению, все костюмы здесь были слишком претенциозными. В конце концов Маклин обратился к услугам портного и сшил себе пару костюмов по мерке. Один так и висел в шкафу ненадеванным, другой отправился в мусор – после работы на месте особо кровавого убийства не помогла бы даже химчистка. Пришлось смириться с покупкой дешевых костюмов в универмагах.

Женщина за прилавком была одета как модница двадцатых годов двадцатого века – должно быть, тяжело ей приходилось в такую жару в длинном боа из перьев. Она с подозрением оглядела вошедшего. Вряд ли сюда часто заглядывали люди его возраста. Тем более мужчины.

– Вы разбираетесь в этих нарядах? – спросил инспектор, кивая на стойки с одеждой. – В стилях, что когда было в моде?

– Вам чего надо-то?

Акцент испортил весь эффект от наряда. Разглядев продавщицу поближе, Маклин понял, что она совсем еще девочка, не старше шестнадцати, просто одежда ее взрослит.

– Вы не знаете, когда было сшито вот это платье? Или когда его носили? – Маклин выложил на прилавок пакет.

– Вы продать хотите? – Продавщица взяла его в руки, повертела. – Мы такого не берем.

Маклин предъявил удостоверение.

– Я веду следствие. Это было найдено на месте преступления.

– Я маму позову, – ойкнула девочка, отбросив пакет, словно живую змею. – Она лучше меня в этом разбирается.

Продавщица выскочила из-за стойки и скрылась за вешалками. Через несколько минут оттуда вышла женщина. Заметно старше, хоть и не такая старая, как ее одежда, которой можно было дать лет сто, а то и больше.

– Дженни! – удивленно воскликнул инспектор. – Дженни Спирс? Я вас не узнал в этом наряде.

– Ничего страшного. Мы все одеваемся по моде любимого времени. Видели бы вы Рейчел в наряде хиппи! Кстати, как ваша бабушка?

В магазине собрали костюмы разных эпох. «Трудно себе представить, – рассеянно подумал Маклин, – что наряды, выходящие сегодня из потогонных мастерских Индии и Бангладеш, сохранятся в таком же состоянии хотя бы ближайшие двадцать лет».

– Не знал, что вы здесь работаете.

Прозвучало это несколько жалко. Ловко он уклонился от вопроса – прямо политик!

– Вообще-то, я хозяйка. Уже десять лет. Ну, строго говоря, магазин принадлежит банку, но... – Дженни смущенно осеклась. – Вы ведь не поболтать пришли, инспектор?

– Зовите меня Тони. Сможете ли вы что-нибудь рассказать мне об этом платье? – Он снова приподнял пластиковый пакет.

– Я открою? – спросила Дженни.

Маклин кивнул. Она ловко разложила наряд на широком прилавке и внимательно рассмотрела. Пальцы ее задержались на пятне крови и чуть вздрогнули.

– Сшито вручную, – заключила она. – Умелой швеей. Кружева могут быть покупными, трудно сказать. Дайте-ка посмотрю. – Она ушла в глубину магазина, протиснулась между стоек с платьями в пластиковых чехлах, проворно перебрала наряды и победоносно вернулась к прилавку.

– Вот, коктейльное платье тридцатых годов. Такое носили богатые светские девицы перед войной. Ваше платье очень похоже, почти копия. Но ткань дешевле, и, как я уже говорила, сшито вручную. Этикетки нет. Вероятно, на купное не хватило денег.

– Так когда его сшили? И долго ли носили?

– Ну, подобный стиль вошел в моду не раньше тысяча девятьсот тридцать пятого года. До того юбки были длиннее и вырез совсем другой. Платье поношенное – кромка подола сзади подшита, ткань местами протерлась. Я бы сказала, платью лет десять. В войну приходилось чинить старые вещи.

– Стало быть, сороковые, конец Второй мировой...

Маклин задумался, жив ли еще кто-то из участников убийства.

На входе в участок инспектора остановил дежурный сержант.

– Вы знаете Джонаса Карстайрса?

Маклин порылся в памяти. Имя было знакомым.

– Он вам весь день звонит.

– Чего хотел, не сказал?

– Что-то про вашу бабушку. Кстати, как старушка, не лучше?

Инспектор побледнел. Он так долго загонял вглубь мысли о болезни бабушки, что не успел привыкнуть к мысли о ее смерти. От вопроса Дженни Спирс Маклин уклонился, но в полицейском участке секреты долго не держатся. И конечно, проще всего известить всех, рассказав дежурному сержанту. Если добавить, что это секрет, новость разлетится еще быстрее.

– Вчера ночью скончалась.

– Господи, зачем же вы на работу вышли?

– Не знаю. Наверное, больше нечем было заняться. Это ведь не внезапно случилось.

Хотя в каком-то смысле, внезапно. Маклин привык, что бабушка в коме, в больнице, осознавал, что рано или поздно умрет, и иногда даже хотел, чтоб скорее. Но ждал, что будут какие-то предвестья ухода. Думал, ему дадут время подготовиться. – Он свой номер оставил? Карстайрс?

– Да, и просил, чтобы вы как можно скорее перезвонили. Знаете, не вредно бы вам время от времени включать мобильник.

Маклин полез в карман за телефоном. По-прежнему мертвый.

– Я включаю, он все время садится.

– А как насчет рации? Не понимаю, почему, вы, следователи, считаете, будто она не для вас.

– Рация у меня где-то есть, Пит, но с ней еще хуже. Совсем не держит заряда, как будто соревнуется с мобильником.

– Ну-ну. Заведите себе что-нибудь, чтоб работало, а?

Сержант подал Маклину клочок бумаги с именем и номером и открыл ему турникет.

У Маклина имелся личный кабинет – одно из преимуществ инспекторского чина. Захудалая комнатуха с окошком, затемненной стеной соседнего здания, так что света почти не было. Шкафы, забитые делами предшественника, занимали почти все место, но какой-то гений геометрии умудрился втиснуть сюда еще и стол. На столе громоздилась груда бумаг. На самую верхнюю папку приклеили желтый листочек с надписью «Срочно», подчеркнутой трижды. Инспектор и не взглянул на нее, протискиваясь на свое место. Он снял трубку, набрал номер, заодно глянул на часы. Рабочий день закончился, но неизвестно, служебный ли это телефон.

– Карстайрс и Веддел, чем могу служить?

Мгновенный ответ и вежливый тон секретарши сбил инспектора с толку. Маклин узнал название юридической фирмы, занимавшейся делами его бабушки со времени удара.

– Здравствуйте. Могу я поговорить с мистером Джонасом Карстайрсом?

До сих пор Маклин общался только с младшим служащим – то ли Перкинсом, то ли Петерсоном. Странно, что старший партнер решил связаться с ним лично.

– Как вас представить?

– Маклин. Энтони Маклин.

– Одну минуту, инспектор, немедленно соединяю.

Опять он попал на незнакомого человека, который его знает! Маклин только успел удивиться, как мелодия ожидания прервалась щелчком.

– Джонас Карстайрс слушает, детектив-инспектор Маклин. Я с сожалением узнал о кончине вашей бабушки. Эстер была замечательной женщиной.

– Вы были знакомы, мистер Карстайрс?

– Зовите меня Джонас. И, да, я давно ее знал. Дольше, чем выступал ее адвокатом. Об этом я и хотел с вами поговорить. Она назначила меня своим душеприказчиком. Я был бы благодарен, если бы вы поскорее выбрали время зайти ко мне. Нам надо кое-что прояснить.

– Хорошо. Завтра можно? Сегодня уже поздно, а я ночь не спал. – Маклин свободной ладонью потер глаза, только сейчас осознав, как измучился.

– Конечно, я понимаю. И не беспокойтесь об устройстве похорон. Я этим займусь. В «Скотсмене» завтра поместят извещение о смерти, и некролог, вероятно, тоже напишут. Эстер не желала церковной службы, так что будет скромная прощальная церемония на Мортонхоллском кладбище. Я дам вам знать, когда уточним время. Вы хотите, чтобы прощание организовал я? Всем известно, как заняты сотрудники полиции.

Маклин, не слушая адвоката, думал о множестве мелочей, которых требует смерть, но не мог сконцентрироваться. На столе лежало коктейльное платье, надежно упакованное в пластиковый пакет. Инспектор с трудом вспомнил, зачем оно здесь. Надо было поесть, а потом обязательно поспать.

– Да, пожалуйста, – с трудом произнес он, поблагодарил Карстайрса, условился о встрече на завтра и повесил трубку.

Вечернее солнце раскрасило жилой дом напротив в теплые охряные тона, но кабинету инспектора досталась самая малость света. Здесь было тесно и душно. Маклин прислонил затылок к прохладной стене и на минутку прикрыл глаза.

* * *

Она нага как день, истощенная девушка с костлявыми руками и ногами. Пряди волос свисают с черепа, глаза тонут в глазницах. Она подходит к нему, протягивает руки, просит помочь. Потом спотыкается, в животе у нее открывается рана, протягивается от лобка до грудины. Девушка подхватывает вывалившиеся внутренности, запихивает их обратно одной рукой, а другую все тянет к нему. Волоча ноги, делает еще шаг, темные глаза молят о помощи. Он хочет отвести взгляд, но не может шевельнуться. Не может даже закрыть глаза. Смотрит, как она падает на колени, разбрасывая кишки по полу, и все пытается подползти к нему.

– Инспектор...

В ее голосе боль. И со звуком голоса лицо начинает меняться, кожа высыхает, еще туже натягивается на скулах, глаза совсем уходят в череп, губы кривятся в пародии на улыбку.

– Инспектор!

Она уже рядом, костлявая рука ложится на плечо, касается его, встряхивает. Девушка силится запихнуть назад внутренности, совсем как домохозяйка в халате, открывшая дверь на стук почтальона. Из разреза вываливаются почки, печень, селезенка...

* * *

– Тони, проснитесь!

Маклин резко раскрыл глаза и чуть не свалился со стула, вырываясь из кошмарного сна. В кабинете стояла суперинтендант Макинтайр. На ее лице раздражение смешивалось с тревогой.

– Спите на службе? Не того я ждала от вас, когда выдвигала на повышение.

– Прошу прощения, мэм. – Маклин чуть тряхнул головой, отгоняя пугающий образ зарезанной девушки. – Это все жара. Я только на минуту прикрыл глаза...

Он осекся, заметив, что Макинтайр прячет улыбку.

– Я пошутила, Тони. Вы выглядите совсем разбитым. Идите-ка домой, отдохните, – сказала она и присела на край стола. В кабинете было место для второго стула, но это место занимали картотечные шкафы. – Сержант Муррей сказал мне о вашей бабушке. Примите мои соболезнования.

– На самом деле она давно умерла. – Маклину было несколько не по себе рядом с примостившейся на столе начальницей. Он понимал, что надо бы встать, но сейчас это вышло бы еще более неловко. – Знаете, я в четыре года остался без родителей. Бабушка растила меня, как растила отца. Ей, должно быть, пришлось нелегко, я был вечным напоминанием о сыне.

– А вам каково пришлось? Я даже не представляю, что значит потерять родителей в таком возрасте.

Маклин навалился грудью на стол, потер глаза. Старые раны почти зажили, лучше не тревожить шрамов. Впрочем, смерть бабушки их разбередила. Может быть, еще и поэтому ему так трудно было принять ее кончину.

Он протянул руку к платью в пакете.

– Время смерти удалось определить точнее: примерно середина сороковых.

– Простите? – тупо уставилась на него Макинтайр.

– Я про убитую, найденную в Сайтхилле. Она носила платье лет десять, а сшито оно не ранее тысяча девятьсот тридцать пятого. Углеродная датировка указывает на смерть не позднее тысяча девятьсот пятидесятого. Скорее всего, где-то под конец Второй мировой.

– Значит, ее убийцы, вероятно, уже нет в живых.

– Убийц. Во множественном числе. Мы считаем, их было шестеро.

Маклин изложил итоги первого этапа расследования. Макинтайр сидела на краешке стола и молча слушала. Слушать ей пришлось недолго.

– А что со Смайтом?

– Вы предполагаете связь? – удивленно спросил Маклин.

– Нет-нет, извините. Я хотела узнать, как продвигается расследование убийства Смайта.

– Вскрытие подтвердило, что его убили и что причина смерти – потеря крови. Я еще жду результатов токсикологической экспертизы – убийца наверняка использовал сильный обезболивающий препарат. Одно это должно сократить круг подозреваемых. Дагвид занимается опросами. Я с ним еще не успел переговорить.

– Хорошо. На утреннем совещании сведем все воедино. Но я прошу вас по возможности не отвлекаться от дела Смайта. След к убийце вашей девушки наверняка остыл за шестьдесят лет.

В словах Макинтайр, конечно, был смысл: куда важнее задержать убийцу, который нанес удар всего сутки назад. Почему же Маклину казалось, что следует сосредоточиться на убийстве девушки? Потому что не нравится сотрудничать с Дагвидом? Инспектор подавил зевету и отвел взгляд от груды дел, вызывающих к срочному рассмотрению: заявления о сверхурочных и отчеты о расходах, требующие его одобрения для включения в квартальный бюджет. Маклин потянулся к документам, но Макинтайр перехватила его руку. Мягкая ладонь держала на удивление крепко.

– Идите домой, Тони. Вам нужно выспаться. К утру голова будет свежее.

– Это приказ, мэм?

– Да, инспектор, приказ.

В голове сумятица. Незнакомый город, непонятный грубый язык. Ему плохо, насквозь плохо. Рваное дыхание дерет горло, в груди горит. Прежде он был сильным – это он помнит, хоть и не может вспомнить собственного имени.

Прежде он мог зараз перенести дюжину снопов, под жарким солнцем за полдня убрать целое поле. Теперь спина у него горбится, ноги ослабели и заплетаются. Когда он успел стать таким же старым, как отец? Куда подевалась целая жизнь?

Из соседнего здания слышен шум. Сквозь матовые стекла в высоких окнах видны цветные тени людей. Входная дверь распахивается настежь, из нее вываливается молодая женщина, следом еще две. Они смеются, болтают между собой на незнакомом языке. Пьяные и счастливые, они не замечают его, глядящего с другой стороны улицы. Высокие каблучки выстукивают по мостовой, короткие юбки вздергиваются, открывая дряблые белые ляжки.

В памяти мелькают образы. Кто-то совершает страшные дела. Белая кожа, вскрытая острым ножом. Края разреза наливаются кровью. Гнев на давнюю несправедливость. Внизу что-то темное, влажное, скользкое. Это не его воспоминания. А может и его. Он уже не знает, где настоящее.

Теплый воздух – тяжелое влажное одеяло под темным ночным небом. Оранжевые огни фонарей отражаются в тусклых облаках, заливают все адским свечением. Он взмок от пота, в голове бьется пульс. В горле вдруг становится сухо – он понимает, что за здание стоит через дорогу.

Он открывает тяжелую дверь, и в грудь волной бьет шум, в ноздри ударяет запах немытых тел, дезодорантов, духов, еды и пива. Людей сотни, они сидят, стоят, перекликаются сквозь наполняющую воздух немелодичную музыку. Он расталкивает толпу, но никто его как будто не замечает.

Он смотрит на свои ладони – такие знакомые. Эти руки строили стены, ласкали любимых, держали младенца, чье имя он забыл так же, как свое. На этих руках запеклась кровь, забились в складки, засохла под ногтями. Эти руки орудовали ножом. Ножом, который сотворил ужасное с другим человеком. Эти руки вершили месть за все, что сделали с ним и его родом.

Он видит указатель – единственная мелочь, понятная ему в незнакомом месте. Что это? Болезнь подкосила его или ужасные воспоминания, заполонившие разум и пригнавшие его сюда? Так или иначе, он в туалете, скрючился над унитазом. Рвотные спазмы. Сухие позывы, в желудке пусто.

Он отрывает кусок бумаги, вытирает лицо и руки, спускает воду, выпрямляется. Мир угрожающе накренился. Он задыхается от непонимания. Кругом много людей, все смеются над ним, окружают, как драчуны на школьном дворе. Мысли путаются, он помнит лишь ужасное ощущение ножа в руке, силы, наполнявшей его при каждом ударе, праведной ярости. Он снова чувствует тяжесть рукояти в ладони.

Они уже не смеются. В туалете становится тихо. Смолкла зудящая музыка за стеной. Он оглядывается и впервые замечает перед собой длинное зеркало. Глаза ему застилают встающие в мыслях образы. Сквозь них он смутно видит отражение незнакомого мужчины. Тощий, изможденный, в грязной изорванной одежде, с колтунами седых волос. Он в замороженном страхе смотрит, как мужчина протягивает руку. В кулаке его зажат короткий нож, лезвие повернуто внутрь, к подставленному горлу. «Один раз я уже это сделал», – думает он и ощущает долгожданное прикосновение холодной стали.

Кровь брызжет на зеркало.

12

На следующее утро в участке царила суматоха.

После карри навынос и раннего отбоя Маклин чувствовал себя куда лучше. Он пришел за полчаса до начала утреннего брифинга и надеялся за это время разобрать скопившиеся бумаги. Из главного следственного кабинета доносился громовой голос Дагвида:

– Великолепно! Понаехали тут всякие психи...

Маклин осторожно заглянул в приоткрытую дверь. Именно в этот момент Дагвид отвлекся от разговора с двумя сержантами.

– А, инспектор Маклин! Хорошо, что явился пораньше. Поможешь здесь прибраться.

– Что прибраться, сэр?

Констебли сосредоточенно складывали папки и документы в коробки, снимали фотографии со стен и протирали доску.

– Мы вчера ночью взяли мерзавца, – с довольной ухмылкой произнес Дагвид. – Вина доказана, по всей библиотеке Смайта его отпечатки.

– Вы поймали убийцу?

Это известие не увязывалось с той стадией, на которой следствие находилось накануне. Инспектор надеялся только, что челюсть у него не слишком отвисла.

– Ну, я не сказал – «поймали», – ответил Дагвид. – Он явился в паб у Сент-Эндрю-сквер примерно в половине одиннадцатого. Зашел в мужской туалет и перерезал себе глотку. Тем же ножом, которым вскрыл Смайта.

– И что с ним?

– А как ты думаешь, идиот?! Он мертв. По-твоему, мы убирали бы здесь все, сиди он в камере в ожидании допроса?

– Нет, сэр, конечно же, нет. – Маклин понаблюдал за процессом уборки. – Кто он?

– Нелегальный мигрант. Зовут Акимбо или как-то так. Не представляю, как они умудряются выговаривать эти иностранные имена.

– Кто установил личность?

– Какая-то девица из экспертизы, вроде бы Бэйард. Поиск по отпечаткам ничего не дал, но она додумалась запросить реестр нелегальных мигрантов. Этого парня полагалось бы арестовать и сплавить в его родной Хренистан, или откуда он там прибыл.

Маклин старательно пропускал мимо ушей расистские выпады Дагвида. Старший инспектор олицетворял собой все пороки полиции. Скорей бы он ушел в отставку!

– Полагаю, супер будет довольна, не говоря уж о главном констебле, – осторожно заметил Маклин. – С них все требовали скорейшего результата.

– Именно так. Поэтому к концу дня рапорт должен лежать на столе у Дженни. Прокурорский надзор не потребует дальнейшего расследования, но все, что полагается, надо сделать. Сходи на вскрытие, удостоверься, что там не будет неприятных сюрпризов. Хотя улики вполне достаточные. На одежде у него кровь той же группы, что у Смайта. Уверен, и молекулярно-генетическая экспертиза подтвердит, что преступник – он.

Вот радость-то! Смотреть, как режут очередной труп.

– На какое время назначено вскрытие, сэр?

На часах Маклина было семь утра.

– На десять. Но ты позвони и проверь.

– В десять я встречаюсь... – Маклин не стал заканчивать фразу. Жаловаться Дагвиду бессмысленно. Не стоит давать ему повод для очередной язвительной тирады. – Я передоговорюсь, сэр.

– Ты постарайся, Маклин.

* * *

Маклин избавился от Дагвида и вернулся к себе. В следственном кабинете было пусто. На одном из двух столов лежала газета Ворчуна Боба, на другом констебль Макбрайд сложил папки аккуратной стопкой. Маклин быстро пролистал их, просмотрел дела об ограблениях за последние пять лет. Между страниц торчали закладки с вопросами. Ну хоть кто-то занят делом. Фотографии органов и предметов из замурованного подвала приколоты на стену, расположив по кругу, – так, как улики были найдены. Посредине висела фотография тела убитой в формате А3. Инспектор все еще стоял, уставившись на эту композицию, когда дверь у него за спиной тихо хлопнула.

– Доброе утро, сэр. Слышали новость?

Констебль Макбрайд с утра, как видно, тщательно приводил себя в порядок. Волосы были еще влажными после душа, а на гладком круглом лице отражалась простодушная надежда и волнение.

– Новость? А, ты про убийцу Смайта? Тебе это не кажется несколько странным?

– Почему, сэр?

– Ну, зачем он это сделал? Зачем вломился в дом к старику и вспорол ему живот? Зачем запихнул селезенку в глотку? И почему покончил с собой через несколько дней?

– Так он ведь был нелегальный мигрант.

– Вот только этого не надо, – раздраженно заметил Маклин. – Они не все, знаешь ли, насилуют наших женщин и отнимают у нас рабочие места. Подобной чуши я наслушался от Дагвида.

– Я не то имел в виду, сэр. – Макбрайд покраснел еще сильнее, даже мочки ушей зарумянились. – Понимаете, он мог затаить зло на Смайта, потому что тот был председателем комиссии по рассмотрению прошений на иммиграцию.

– А он был? Вы-то откуда знаете?

– Мне Алисон... то есть констебль Кидд сказала.

Теперь уже Маклин покраснел от смущения.

– Прости, Стюарт. Не хотел на тебя рычать. Чего еще я не знаю о Смайте?

– В свои восемьдесят четыре года он ни дня не проводил без дела. Заседал в советах директоров десятка различных компаний, владел контрольными пакетами двух биотехнологических стартапов. После войны он унаследовал от отца коммерческий банк, превратил его в крупнейшую финансовую организацию страны и продал – как раз перед тем, как закончился бум интернет-компаний. После этого в основном организовывал благотворительные организации. В

городском доме у него постоянно работали трое слуг, но у всех в ночь убийства был выходной. По-видимому, это было обычным делом: он часто отпускал всех, когда хотел провести спокойный вечер.

Маклин слушал, отмечая про себя, что констебль помнит все это наизусть. Если не считать зыбкой ниточки с иммиграцией и репатриацией, Смайта абсолютно ничего не связывало с убившим его человеком.

– Напомни, как звали убийцу?

На сей раз Макбрайд достал блокнот, и, лизнув палец, стал переворачивать страницы.

– Джонатан Около. Из Нигерии. Три года назад подал прошение о политическом убежище, но ему отказали. До апреля содержался в лагере для нелегальных мигрантов, «в ожидании репатриации». Никто точно не знает, как он сбежал, но за последний год оттуда многие удрали.

– Имена остальных известны?

– Нет, сэр, но могу выяснить. А зачем?

– Пока не знаю. Дагвид наверняка захочет поскорее сбыть с рук это дело. Думаю, и главный констебль, и высшее начальство с радостью о нем забудут. Будь я капельку поумнее, сам бы так поступил. Но у меня неприятное предчувствие, что мы еще услышим о Джонатане Около, и я не прочь иметь ход в запасе, когда игра начнется заново.

– Я покопаюсь, сэр. – Макбрайд сделал пометку в блокноте и бережно спрятал его. Маклин попытался вспомнить, куда задевал свою записную книжку – кажется, оставил у себя в кабинете наверху? Вместе со всеми бумагами, которые сами не подпишутся.

– Что у тебя на сегодня намечено, констебль?

– Мы с детективом-сержантом Лэрдом собирались опросить жертв некоторых ограблений, сэр. Как только он придет.

– Ну, Ворчун Боб всегда предпочитал ночные смены. – По лицу констебля стало ясно, что он еще не слышал, чтобы сержанта называли Ворчуном. – Вот что, констебль. Когда придет, скажи, чтобы проводил опросы сам. Если ему одиноко, пусть возьмет кого-нибудь из констеблей. А ты тем временем раскопай сведения об Около и его приятелях. Потом мы с тобой съездим в Каугейт, посмотрим, как доктор Кадволладер труп вскрывает.

– М-м, а это обязательно, сэр? – Румянец на лице Макбрайда сменился зеленоватой бледностью.

– Ты еще не присутствовал на вскрытии?

– Присутствовал, сэр. Пару раз. Предпочел бы отсутствовать.

* * *

Свою записную книжку Маклин нашел там, где оставил, – на столе, под пакетом с платьем. Инспектор сунул ее в карман и напомнил себе, что надо отнести платье в хранилище для вещдоков. У телефона лежал листок с номером Карстайрса. Инспектор позвонил, перенес встречу на вечер, потом включил компьютер и подтянул к себе стопку документов. Он сознавал, что отчетность и соответствующее делопроизводство необходимы, однако предпочел бы свалить их на кого-нибудь другого.

Работа была отупляющей, требовала сосредоточенности, но оставляла место для назойливых мыслей. Маклин краем глаза видел сложенное платье. Наконец, покончив с половиной бумажной волокиты, он отвалился от стола и просмотрел записную книжку.

Очень скоро инспектор наткнулся на зарисовку странного узора с завитками – того, что видел на полу в подвале, если ему не почудилось. Рисунок наводил на мысль о ритуальном жертвоприношении, но потайные ниши предлагали более очевидные и соблазнительные версии. Поэтому Маклин сосредоточился на именах, законсервированных органах и обнаруженных предметах. Как в свое время говорил его учитель, обычно ключ к разгадке преступления кроется в самых неочевидных вещах.

В половину десятого Маклин выключил компьютер, взял платье и вернулся в крошечное следственное помещение. Там он застал Ворчуна Боба – опять за газетой. Констебль Макбрайд, уставившись на экран ноутбука, барабанил по клавишам.

– Доброе утро, сэр. – Ворчун Боб свернул газету и сунул ее в коробку под столом.

– Доброе, Боб. Ты получил снимки с места происшествия?

Сержант оглянулся на Макбрайда, не дождался реакции и прошел к коробке в углу. Перенес ее на стол и достал пачку глянцевых снимков.

– Вам которые нужны, сэр?

– Должна быть серия фотографий пола примерно в футах от стены.

– Ага, я еще удивился, зачем фотограф это снимал.

Боб достал снимки и разложил на столе в порядке номеров, помеченных на обороте.

– Я его попросил, – пояснил Маклин, разглядывая снимки. Все одинаковые: засвеченный вспышкой пол выглядит гладким, без особых примет и знаков. Инспектор достал блокнот, посмотрел свои зарисовки. Он был уверен, что видел линии.

– Это все? – обратился он к Бобу, перебрав все фотографии и ничего на них не обнаружив.

– Ага.

– Свяжись с экспертами и перепроверь, ладно? Я ищу снимки пола вот с такими знаками. – Он показал сержанту листок из блокнота.

– Пусть этим констебль Макбрайд займется, – занял Боб. – Знаете, он куда лучше меня ладит с криминалистами.

– Нет уж, Боб, констебль сегодня со мной. – Маклин повернулся к Макбрайду. – Ты как, закончил?

– Более или менее, сэр. Еще минуточку. – Макбрайд нажал еще пару клавиш и закрыл ноутбук. – Я сейчас все это быстренько распечатаю. А может, вы бы предпочли взять с собой на вскрытие сержанта Лэрда? – В голосе юноши прозвучала надежда.

Маклин улыбнулся.

– Боб только что позавтракал, констебль. А я предпочитаю не знать чем.

13

– Третий раз за двое суток, инспектор! И что вы к нам так привязались? – Доктор Шарп ожидала их у входа в морг. – Да еще и такого красавчика с собой прихватили!

– Это детектив-констебль Макбрайд. Полегче с ним, он здесь в первый раз. – Маклин не стал оглядываться на покрасневшего констебля. – Кадволладер уже на месте?

– Как раз готовится, – кивнула Трейси. – Проходите.

Прозекторская не слишком изменилась со вчерашнего дня, только на столе лежало другое тело.

– Тони, ты все еще не научился распределять обязанности! – воскликнул патологоанатом. – Обычно младших по званию присылают, чтобы самим не ходить. Почему, ты думаешь, Дагвид послал тебя?

– Может, потому что здесь все слишком напоминает ему родной дом?

– Вот-вот, – усмехнулся Кадволладер. – Ну, перейдем к делу?

Трейси, словно только и ждала этих слов, появилась из кабинета судмедэкспертов. Она успела переодеться в комбинезон, натянула длинные резиновые перчатки и катила перед собой стальную каталку с разложенными на ней орудиями пытки. Констебль Макбрайд напрягся и чуть отшатнулся.

– Субъект мужского пола, негроидной расы, рост шесть футов два дюйма. Лет под шестьдесят, я бы сказал.

– Сорок четыре... – Голос Макбрайда звучал выше обычного, а ведь тело еще не трогали.

– Простите? – Кадволладер накрыл ладонью висящий над столом микрофон.

– Ему было сорок четыре года, сэр. Так сказано в его досье. – Макбрайд помахал распечаткой.

– Странно, по нему этого не скажешь. Трейси, мы тело не перепутали?

Ассистентка сверилась с бумагами, проверила бирку на ноге мертвеца, подошла к стеллажам холодильника, открыла один, другой, заглянула внутрь.

– Нет, – отозвалась она наконец. – Джонатан Около, доставлен вчера ночью. Личность установлена по отпечаткам пальцев в миграционном досье.

– Удивительно, – протянул Кадволладер, разглядывая труп. – Если ему сорок четыре, даже думать не хочется, как он жил. Ладно, давайте продолжим. – Он внимательно осмотрел тело. – Руки грубые, ногти коротко острижены. Пара недавних шрамов, занозы в ладонях и в пальцах. Занимался физическим трудом, хотя, судя по его состоянию, вряд ли от него было много проку. – Эксперт занялся головой покойника, порылся пинцетом в редящих седых кудряшках. – Дайте пробирку для образцов, Трейси. Если не ошибаюсь, это штукатурка. У него вся голова в ней.

Констебль делал торопливые записи в блокноте. Маклин улыбнулся: все сказанное здесь распечатают и передадут в участок до конца дня, но от такого энтузиазма вреда не будет. К тому же Макбрайду невредно отвлечься от того, что сейчас начнется.

Опытный патологоанатом вскрыл тело с особым изяществом. Более искусных действий Маклину не приходилось видеть. Ловкие движения Кадволладера и его спокойная болтовня с ассистенткой делала наблюдение за процессом более сносным. И все же инспектор порадовался, когда прозекторы стали зашивать разрезы. Значит, скоро можно будет уйти.

– Так каков твой вердикт, Ангус? Сумеешь его спасти?

Эксперт оценил шутку, но мгновенная улыбка тотчас сменилась озабоченной миной.

– Я удивляюсь, как он дожил до убийства Смайта, не говоря уж о самоубийстве, – сказал Кадволладер.

– Как это понимать?

– У него обширная эмфизема, острый цирроз печени, поражены почки. Совершенно непонятно, как могло биться сердце с таким количеством рубцовых изменений сердечной мышцы. Судя по всему, он еле держался на ногах.

– По-твоему, он не убивал Смайта? – Спину инспектора тронул холодный озноб.

– Наверняка убил. У него вся одежда в крови Смайта, под ногтями следы той же крови, а нож идеально отвечает разрезу на горле. Джонатан Около – именно тот, кто вам нужен.

– Может, у него был сообщник? – Маклин ощутил томительное сосание под ложечкой. Он знал, что не заслужит популярности этим предположением, но и отказаться от него не мог.

– Ты у нас детектив, Тони, тебе лучше знать.

Адвокатская контора «Карстайрс и Веддел» занимала один из георгианских особняков, протянувшихся на целый квартал в западной части города. Более

современные юридические фирмы перебрались на Лотиан-роуд или еще дальше, на Кокбурн-стрит, а это маленькая компания устояла перед переменами. Еще недавно все старые семейные фирмы Эдинбурга – адвокаты и биржевые маклеры, банкиры и торговцы дорогими товарами – располагались в величественных особняках на западе Эдинбурга. Теперь их сменили ресторанчики в полуподвалах, бутики, фитнес-клубы и дорогие квартиры. Времена меняются, но город приспосабливается к переменам.

Инспектор пришел часом раньше назначенного времени, но секретарь сказала, что проблемы это не представляет, и провела Маклина в элегантную приемную, увешанную портретами суровых мужчин. Вдоль стен расположились удобные кожаные кресла. Обстановка больше напоминала джентльменский клуб, чем офис. После знойных улиц здесь веяло прохладой.

– Инспектор, рад снова видеть вас.

Маклин повернулся на голос. Седовласый мужчина приветственно протянул руку, глядя сквозь очки в тонкой металлической оправе.

– Мистер Карстайрс, мы с вами встречались? – уточнил инспектор.

Человек показался ему смутно знакомым. Возможно, присутствовал в суде, где Маклин выступал свидетелем. Может, адвокат даже подвергал его перекрестному допросу.

– Как же не встречались! Правда, с тех пор немало лет прошло. Эстер давала великолепные приемы, но они прекратились, когда вы поступили в университет. Я так и не понял почему.

Маклин припомнил череду пожилых людей, постоянно бывавших в бабушкином доме. Но ведь и бабушка была старой, так что удивляться не приходилось. Джонатан Карстайрс теперь тоже состарился, но тогда был слишком молод для бабушкиного общества.

– Эстер всегда предпочитала одиночество, мистер Карстайрс, но настаивала на том, чтобы я завел широкий круг знакомств. Когда я переехал в Ньюингтон, она перестала приглашать гостей.

Карстайрс покивал, словно прекрасно понимал такой образ действий.

– Прошу вас, зовите меня Джонас. – Он элегантно достал из кармашка часы, открыл крышку и взглянул на циферблат. – Вы не хотите пообедать, инспектор? Неподалеку открылось новое заведение. По слухам, там отлично кормят.

Маклин представил горы неразобранных бумаг на столе и девушку, умершую так давно, что несколько часов для нее ничего не значили. Ворчун Боб занимался ограблениями, Макбрайд собирал всю доступную информацию по Джонатану Около. Инспектор бы только путался у них под ногами.

– Предложение мне нравится, Джонас. Только, раз уж я не на службе, не называйте меня инспектором.

* * *

В таких заведениях Маклин обычно не бывал. Ресторанчик в подвале оказался шумным, его заполняли довольные посетители, неторопливо поглощавшие ланч. Карстайрса и Маклина провели к столику в нише, с окошком, выходящим на углубление в мостовой. Подняв глаза к небу, инспектор увидел юбку проходившей мимо женщины и поспешно уткнулся в меню.

– Говорят, здесь отлично готовят рыбу, – заметил Карстайрс. – Семга сейчас очень хороша.

Маклин заказал семгу, справился с искушением попросить к ней жареную картошку и ограничился минеральной водой с газом. Воду подали в синей каплеобразной бутылке с этикеткой на валлийском.

– В старину аптекари держали в синих бутылках яды. Чтобы не выпить по ошибке. – Маклин налил себе стакан и предложил воду адвокату.

– Ну, в Эдинбурге отравителей хватало – да вы, конечно, знаете. Вы были в Плейфарском патологическом музее?

– Пару лет назад Кадволладер устроил мне экскурсию. Я тогда еще был сержантом.

– Как же, помню Ангуса... У него есть отвратительная привычка уходить из театра посреди спектакля. Наверно, служебные дела.

Они потолковали о работе в полиции, о юридических проблемах, вспомнили общих друзей и знакомых. Когда принесли заказ, Маклин немного огорчился, потому что семга оказалась пошированной, а не обжаренной в кляре. Не то чтобы он не ценил хорошую кухню, просто у него редко находилось на нее время. Инспектор не сумел припомнить, когда в последний раз бывал в подобном ресторане.

– Вы не женаты, Тони?

Невинный вопрос вызвал неловкое молчание, потому что инспектор все-таки вспомнил, когда в последний раз посетил подобное заведение. Его спутница в тот раз была намного моложе, симпатичнее и совершенно не готова к судьбоносному вопросу, который Маклин все не решался задать.

– Нет, – ответил инспектор, чувствуя, что голос звучит сухо.

– Встречаетесь с кем-нибудь?

– Нет.

– Печально... Молодому человеку вроде вас нужна женская забота. Эстер наверняка хотела бы...

– Была у меня девушка. Несколько лет назад. Мы были помолвлены. Она... она умерла.

Маклин как сейчас видел ее лицо: закрытые глаза, гладкая алебастровая кожа, посиневшие губы, длинные черные волосы полощутся в ледяных медлительных водах Лита.

– Простите, я не знал.

Голос Карстайрса ворвался в воспоминания, и Маклин почему-то понял, что старый адвокат лжет. В Эдинбурге об этой истории знали все.

– Вы сказали, что хотели встретиться по поводу завещания бабушки, – напомнил Маклин, меняя тему.

– Да, совершенно верно. Но мне захотелось сначала возродить давние семейные связи. Эстер оставила все вам. Впрочем, это неудивительно – больше у нее никого не было.

– Честно говоря, я об этом почти не думал. Мне пока трудно смириться с ее уходом. Все время напоминаю себе, что не нужно вечером заезжать в больницу.

Карстайрс промолчал. Некоторое время оба сосредоточенно ели. Очистив тарелку, адвокат утер губы мягкой белой салфеткой и только тогда заговорил:

– Похороны в понедельник. В десять часов в Мортонхолле. В «Скотсмене» сегодня разместили уведомление.

Маклин кивнул и отодвинул недоеденную семгу. Очень вкусно, но аппетит у него пропал.

* * *

Карстайрс провел Маклина в большой кабинет в глубине здания, выходивший окном в ухоженный сад. В углу стоял старинный письменный стол, но Карстайрс знаком пригласил Маклина занять кресло у камина и сел напротив. Инспектору вспомнился вчерашний разговор с суперинтендантом. Формальная непринужденность.

На журнальном столике красного дерева лежала толстая папка, перевязанная черной ленточкой. Карстайрс взял папку и развязал ленту. Он двигался с удивительной для его возраста ловкостью и изяществом, словно молодой актер, исполняющий роль старика.

– Здесь все сведения о финансовом состоянии вашей бабушки на момент ее смерти. Мы уже много лет распоряжаемся ее делами – собственно, со времени

кончины вашего деда. Она, помимо недвижимости, владела существенным пакетом акций.

– Правда? – Маклин неподдельно удивился. Бабушка жила безбедно и обеспеченно, но он никогда не замечал признаков богатства. Да, она унаследовала фамильный особняк, но была еще и известным врачом с отличной репутацией и солидным стажем, заслужила хорошую пенсию.

– Да, Эстер умело вкладывала средства. Иногда ее рекомендации удивляли наш инвестиционный отдел, но она редко теряла деньги.

– А почему мне об этом ничего не известно? – ошеломленно осведомился Маклин.

– Видите ли, ваша бабушка выдала мне доверенность на ведение ее дел задолго до удара, Энтони. – Карстайрс говорил мягко, успокаивающе, словно знал, что известие встревожит гостя. – И особо просила не раскрывать вам этих сведений, пока она жива. Эстер мыслила по старинке. Подозреваю, она беспокоилась, как бы вы, чувствуя себя богатым наследником, не отвлеклись от карьеры.

Маклин не стал спорить. Это было так похоже на его бабушку, что он сразу представил ее воочию – вот она сидит в своем любимом кресле у камина и внушает внуку, как важны усердие и трудолюбие. А еще она отличалась озорным юмором и сейчас где-то хохотала над ним. При этой мысли губы Маклина тронула улыбка. Впервые за эти месяцы он вспомнил бабушку живой и бодрой, а не бессознательным овощем, хуже мертвеца.

– И каков же размер ее состояния? – Ему самому вопрос показался меркантильным, но ничего другого на ум не шло.

– Оценка имущества произведена лучшими сотрудниками нашего надзорного отдела. Акции оценивались на момент закрытия рынка в день ее смерти. Очевидно, есть и другие статьи наследства, подозреваю, что обстановка и картины в доме кое-чего стоят, и еще где-то что-то есть. У Эстер всегда был острый глаз. – Карстайрс взял из папки листок и развернул так, чтобы Маклин мог прочитать.

Тот поднял бумагу дрожащими пальцами, запутался в длинных колонках цифр, и неверящими глазами уставился на жирно подчеркнутое число в самом низу.

– Не может быть!

Бабушка оставила ему особняк и портфель акций стоимостью свыше пяти миллионов фунтов.

15

Полицейское управление находилось почти по дороге от адвокатской конторы к участку, поэтому Маклин не корил себя за лишний крюк. Разумеется, оттяжка с возвращением позволяла разминуться с Дагвидом. Вдобавок надо было кое с кем потолковать о снимках места преступления.

Криминалистический отдел был, как обычно, полупустым. Скучающий дежурный пропустил инспектора за турникет в безлюдный коридор. Здесь хотя бы работал кондиционер. Внизу, в подвале, освещавшемся сквозь узкие окна под потолком, Маклин разыскал фотолабораторию, распахнутую дверь которой подпирали металлический стул. Инспектор постучал, крикнул: «Эй, есть кто-нибудь?» и вошел. Вдоль стен тихо гудели какие-то непонятные аппараты и приборы. У дальней стены, под окнами, установили широкую деревянную полку с рядом компьютеров. Огромные плоские мониторы моргали и попискивали. За самым дальним, отображавшим расплывчатую картинку, сидела женщина, с головой ушедшая в работу.

– Простите? – погромче сказал Маклин и только тогда заметил на криминалистке белый шнурок наушников. Инспектор приблизился, надеясь привлечь к себе внимание. Но чем ближе он подходил, тем яснее слышал грохот из наушников. Непростая задача.

– Господи, меня чуть инфаркт не хватил!

Женщина одной рукой схватилась за грудь, другой стащила и бросила на стол наушники. Шнур тянулся к компьютеру. Теперь Маклин узнал сотрудницу – она работала на ограблении, собирала отпечатки пальцев, и в доме Смайта тоже была.

– Извините. Я кричал...

– Да, понятно. Немножко перебрала с громкостью. Чем могу служить, инспектор? Нечасто в наш подвал заглядывает столь высокое начальство.

– Здесь значительно прохладней, чем у меня в кабинете, – Маклин не стал обижаться на «высокое начальство» – его, недавно ставшего инспектором, чаще называли новичком. – Не осталось ли у вас оригиналов фотографий особняка в Сайтхилле?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дагвид Бамстед – персонаж комикса «Блонди», ленивый и туповатый менеджер, любитель гигантских сэндвичей.

Купить: https://tellnovel.com/osval-d_dzheyms/estestvennye-prichiny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)